

Надежда Салиндер

Любушкины
звёзды

ББК 82.3 (2 РОС = Нен)
С 16

Салиндер Н.С.

Любушкины звёзды. ГУП ЯНАО «Издательство «Красный Север», г. Салехард, 2003. – 118 с.

Книга для среднего и старшего школьного возраста.

Библиотека общественно-политического литературно-художественного альманаха «Обская радуга».

Изготовлено по заказу Комитета по средствам массовой информации и полиграфии Ямало-Ненецкого автономного округа.

ISBN 5-93298-032-X

© Салиндер Н.С.
© Художник Бекшенёв Р.К.

КАРТИНЫ ДЕТСТВА

Как у многих людей на земле, детство для меня — самый лучший отрывок жизни. До определенного времени, конечно, до восьми лет. Детство мое прошло на лоне природы. Зима и лето, осень и весна — все времена года были для меня прекрасны. Любой сезон приносил что-то новое. Наверное, с тех самых пор чувствую себя частью природы. Природа и я — мы были неотделимы.

До сих пор отчетливо помню морозное зимнее утро, разборку чумов, круговорот оленей во время их ловли. Предстояло дальнейшее кочевье. Аргиши длинной вереницей выползали в долину. И начиналась долгая мелодия полозьев. Под плавную качку нарт можно было поспать. И еще навсегда запомнился красный, будто мерзнувший, диск солнца. Он висел над заснеженными холмами бескрайней тундры и долго сопровождал нас, почти до темноты, то исчезая за грядой ольховой рощи, то выбегая из-за высоких сопок.

С наступлением темноты песня полозьев обрывалась. Длинные аргиши останавливались, каждый на своем определенном месте, распрягали оленей, и начиналась сборка чумов, а я, окоченевшая от холода, неуклюжая в меховых одеждах (почему-то меня одевали как мальчика) лежала на нарте, на спине, и смотрела на звезды. Манящий взор, фиолетовый бархат неба с мириадами звезд был для меня чем-то особенным. Где-то там, за звездной тенью, обитали герои дедовых сказок-песен. Я их представляла такими, какими их воспевал дед. Это были добрые и сильные обитатели неба. Сам Великий Нум-Небо, Яля Сэвне — Солнышко, Илебя пэртя — хозяин многочисленных оленьих стад, Иры хасава — Месяц, его братец Нумги — Звезда, весь прозрачный, как из хрусталя, со звездой на лбу. Он

обладал душевной теплотой не менее остальных. Все они в ненецких преданиях хынобцах — песенных сказках — обитатели неба.

Сейчас бы сказала, что это было подобно фильму. Но все происходящее было не визуально, а скорее всего виртуально, как сейчас говорят. Но тогда, глядя в купол звездного шатра, видела нечто большее. Тогда я не сознавала, что это был кусочек культуры моего народа.

К сожалению, последующие годы нелегкой интерна-тской жизни стерли из моей памяти эти чудные видения. Исчезли также из памяти детские сказки, присказки, небылицы и дедовы хынобцы. Интернет отнял детство, отнял родителей. Но в то же время он дал не менее важное — стимул к борьбе за выживание. Но это уже другая история.

ЗАРИСОВКИ

Вечер на рыбогодьё

Спотыкаясь в темноте о кочки, Андрей поднялся по невысокому берегу к своему чуму. Осторожно опустил на землю мокрый осклизлый мешок с рыбой. Рыбу вывалил из мешка в большой деревянный ящик и сверху прикрыл другим, чтоб до утра не растащили собаки и халеи (чайки), и придавил чуркой.

Замёрзшими негнушимися пальцами стал расстегивать пуговицы рыбацкой куртки, прислушиваясь к звукам в чуме. Там, за тонкой стенкой, звякала посудой мать. Неторопливо трещали дрова в печке, зовя его к теплу, а чайник стучал крышкой, напоминая о себе, о своей готовности согреть, утолить жажду. Справившись с пуговицами, снял комбинезон. Рука машинально потянулась за пазуху за папиросами.

Опустился на колоду, где мать рубила тальник. Вместе с затяжкой папиросного дыма приходило чувство покоя.

В соседних чумах негромко переговаривались. Где-то капризно ныл ребенок. Осенняя темень нагоняла сырость и прохладу. Уставшая за день река сонно плескала волной на берег. Стучали бортами две лодки, досадуя друг на друга за то, что их поставили слишком близко. Совсем рядом жестяная банка остервенело скребла дно байдарки. Это старый Харчо мыл и чистил от чешуи лодку. Он вообще исполнительный. Андрей помнил его с детства. Ему казалось, что Харчо всю жизнь такой. Неторопливый, не делает ни одного ненужного лишнего движения. В свои 50 лет он выглядел седым и корявым.

Вверх по течению, почти у самого обрыва реки, мигает огнями рыбацкое село. Там мирно стрекочет станция, шумит дизелем небольшой катер. Визгливо ругается с кем-то прием-

шица рыбы с баржи. Все это иногда заглушается лаем собак, которые в темноте более беспокойны, чем днем.

«Жизнь нашего маленького поселения — крошечная частичка в большой необъятной Вселенной. Города, люди и все живое слишком хрупки. Как пылинки... Захотел Бог и сдунул. И ничего нет!»

Усмехнувшись своей мысли, Андрей втоптал докуренную папиросу в землю. Распахнув полы чума, зашел, увидел уже накрытый стол. Собаки радостно завили хвостами, увидев хозяина. Андрей быстро снял сапоги, чижы и развесил обувь над печкой. Он не любил утруждать мать. Сам виноват, что не может привести в чум помощницу матери. Не находится такой — доброй, работающей девушки.

Чашка горячего чая для ненца — эликсир бодрости. Он согреет, успокоит. Мать Андрея всегда вкусно готовила. Даже ряпушку готовила так, что не оторваться.

Поев, Андрей собрал рыбы косточки, вытер руки. Откинувшись на мягкие подушки, потянулся за книгой, засунутой за шест чума, но не вытащил ее: глаза обветрило за целый день, ничего не разглядеть. Включил приемник у изголовья, убавил звук. Настроившись на покой, рыбак закрыл глаза.

...Старая ненка чуть побрякала посудой и притихла, занявшись нешумными делами. Пусть сынок поспит, через 3-4 часа его надо будить: осенняя ряпушка не ждет ленивых. На ранней зорьке невод всегда полон рыбы. Уже засыпая, Андрей вспомнил про Харчо, мудрого старика, постигшего какую-то тайну бытия, пока не понятную молодому.

Харчо рыбачил последний год, и бригадир от всей души желал ему отдыха. Хотя какой отдых у бездетного ненца? (Двое детей Харчо умерли в раннем возрасте). До самой кончины старые ненцы не знают покоя. Круглый год — рыба, круглый год — дрова. Борьба за существование кончается вместе с человеком.

Утро туманное

Утро выдалось серое и туманное, накрапывал мелкий дождь. Старая Ябтане как всегда проснулась вовремя. Она повернулась на другой бок. Ныли кости, ноги и особенно руки. Сколько шкур было выделано ее руками, сколько шито красивых ягушек с орнаментами. Работала Ябтане и в молодости, и сейчас не покладая рук. Всю жизнь она шила людям, зарабатывая для своей семьи шкуры и лапы. Когда был жив муж, было у них еще немного оленей. Но они никогда не забивали их на одежду. Берегли для сына. Надеялись, что оленей с приплодом станет больше. А сыну не до оленей. Круглый год рыбачит. На уме у него лодочные моторы. Еще снегоход «Буран» мечтает купить, чтоб мать не таскала топливо для чума на санках.

Ябтане, вздыхая, пошевелила пальцами, нужно их размять, чтоб потом ничего не падало из рук. Собралась уже вставать, когда дзинькнул будильник. «Мама», — сквозь сон окликнул Андрей мать и тут же уснул опять. Мать затопила печь сухими дровами. Огонь сразу весело загудел в печке. На нежилой половине чума завозились старые лайки Алто и Тасо, они заскулили, просясь на улицу.

Черный маленький Алто с гладкой шерстью и рыжий лохматый Тасо крутились, вертелись на своих веревках, привязанных к шестам чума.

«Ша! Потерпеть не могут, расшумелись. Хозяина разбудите», — поругав собак, Ябтане поставила на печку чайник. Тонкие струйки терпкого ольхового дыма потянулись к мокрому макодаси (отверстие наверху чума). Чум имеет много достоинств. Но самое прекрасное свойство — это быстро нагреваться. В чуме стало тепло, Ябтане закрыла задвижку трубы и отвязала собак. Алто и Тасо, на бегу подвывая, выскочили на улицу. Хозяйка вышла вслед за ними.

Туман густой пеленой окутал чума, реку, ольховую рощу. Было сыро. В сером молочном утре началось пробуждение. Из труб соседних чумов потянулись вверх струйки дыма. Слышался чей-то надрывный кашель, кое-где уже звякали чайные чашки. С реки доносился хриплый крик чаек и стук мотора рыбацкой подчалки. Пока Ябтане прислушивалась к утренним звукам, собаки ее деловито обнюхивали дрова у соседних чумов, оставляя свои метки. На них нехотя рычала собака соседей.

Когда Ябтане зашла в чум, Андрей уже брэнчал умывальником, обливал шею и плечи холодной водой. Подавая сыну полотенце, Ябтане вздохнула. Трудная, суровая жизнь отняла у нее троих сыновей и дочь. Вот только остался одним-единственным сын, красивый и сильный, жизнь ее и радость. Есть еще дочь. Но она после окончания школы уехала в город, в училище, пять лет о ней ни слуху ни духу.

Завтрак у молодого бригадира занимал немного времени. И хотя мать всегда приберегает на утро что-нибудь вкусное, Андрей завтракает без аппетита.

Курит он на ходу, надевая рыбацкую спецовку. Сегодня под комбинезон надел старую легкую малицу. В ней осенняя сырость до костей не доходит.

Выйдя, Андрей увидел, что никого нет возле лодок, и никто еще не выходил из чумов. Так оно и должно быть. Бригадир всегда должен первым быть на рабочем месте. Быстро спустился к моторке. Проверив наличие бензина в бачке, краем глаза заметил выходящего из своего чума полноватого Ханко. Рыбак, кряхтя, спустился с берега. Из-за одежды, надетой на него, Ханко был неуклюж и смахивал на медведя. Ханко в бригаде самый добросовестный рыбак, он никогда не отказывался от какой-либо работы. Андрей дорожил своими людьми, и потому рыбаки в его бригаде в течение нескольких лет были постоянными.

А вот и Степан вышел из чума. Степан шел и пел что-то. «Девушка ему приснилась, — крикнул шедший от крайнего чума Иван, — хорошее настроение у него. Много рыбы поймает». Степан обернулся. «Да-да, приснилась, очень красивая, — парень не остался в долгу, сказал негромко товарищу, — черная коса, родинка на щеке. Только вот ростиком маловата, уж не твоя ли Оксана мне приснилась?»

Иван вспыхнул, но не нашелся что ответить. Иван со Степаном ровесники и бывшие одноклассники. Ребята веселые, работающие, любят шутки, девушек. А еще они были любители выпить, но труд свой рыбацкий не бросали.

За полчаса вся бригада была в сборе. Шурша робами, устраивались на лодках. Каждый знал свое место. Андрей сел за руль, Степан дернул шнур движка. Дизель завелся, лодки отъехали от берега. Неводник дернул носом, как заарканенный олень головой, качнулся с боку на бок и послушно поплыл за моторкой на длинном канате. Привязанная сзади неводника городовушка, легкая лодочка, вильнула кормой туда-сюда, но скоро тоже спокойно поплыла за остальными.

Караван поплыл на свою тоню. Туман уже стал рассеиваться, с мокрых высоких тальников падали в воду желтые листья. На верхушках деревьев хрипло переругивались вороны. Низко над головой пролетали чайки. Они пристроились к каравану, предвкушая сытную трапезу. Первая тоня всегда удачлива. Главное успеть вовремя бросить невод. Утренняя свежесть согнала остатки сна у рыбаков. Они стали оживленнее. Впереди у них день, полный забот. Нелегкий рыбацкий труд не терпит лени и равнодушия.

Подводная злюка

Место лова, где бригада Андрея бросала невод, было длинным плоским песчаным берегом. В такие сырые дни пе-

сок мокрый и вязкий. Эта тонь удачливее других рыбацких мест. Не было, наверно, ни одного притонения, когда чей-нибудь невод пришел пустым. Но этот удачливый участок имел и свою хитринку. Ближе к противоположному обрывистому берегу на дне притаилась коряга, которая ждала своего часа, когда можно будет напакостить какому-нибудь неопытному бригадиру. Она терпеливо выжидала, когда невод попадет в ее цепкие щупальца. Эта злюка крепко держалась за дно своими корнями, и попытки рыбаков выдернуть ее из воды были безуспешны. Сколько раз кидали капроновую веревку с кирпичом, бросали якорь на канате. Цеплять цепляли, но коряга всегда выскальзывала. Даже опытные бригадиры иногда давали промашку. Стоило слишком близко проехать к тому месту, где притаилась коряга, и невод, кидаемый в воду, попадал ячеей в лапы пакостнице. Если у нее было хорошее настроение, она отпускала невод, слегка порвав. Но когда коряга была зла, приходилось рыбакам повозиться. Сперва они потягивали сети из лап злюки в надежде, что невод сам распутается. Пока тянули сеть прямо из лодки. Если это не помогало, рыбаки привязывали невод за подчалонок, дизель прибавлял обороты, и начинали тянуть орудие лова, как репку из сказки. Каждый бригадир знал, чем это грозит. Но другого выхода не было. Придется прощаться с уловом, не торчать же целый день на реке. Тянут иногда невод за моторкой рывками. Несколько рывков, неожиданно лодка рванется вперед — невод свободен. Только вытащив сеть на берег, можно определить степень поврежденности. Невод тут же чинился, долго ли, быстро ли, но время не ждало. На эту возню уходило три-четыре часа, уходил беспрепятственно и косяк ряпушки.

Молодой бригадир Андрей Салиндер еще никогда не рвал сеть на этой коряге. Просто ему, наверно, везло, хотя

он считал себя опытным рыбаком. Рыбачья удача всегда сопутствовала молодому человеку.

Когда бросают невод в воду рыбаки, бригадир должен сидеть за рулем. Вот и Андрей крепко держал руль и зорко смотрел вперед, где поджидала подводная злыдня. Корягу во время хода ряпушки отмечали чем-нибудь. Привязывали к длинной капроновой веревке якорь и опускали в воду. Якорь протаскивали за лодкой, пока он не зацепится за корягу. Веревка резалась соответственно глубине реки, и привязывался большой кусок пенопласта.

Андрей проплывал близко к коряге, только на известном ему расстоянии. Он всегда чутьем угадывал, где притаилась пакостница, находил момент, где ее можно обхитрить. И сейчас, определив направление ветра, увидел пенопласт, прикинул расстояние, где можно проскользнуть. Сегодня невод кидали Степан с Иваном и пожилой Хансота. В носовой части неводника сидел старый рыбак Харчо, который пока отдыхал. Рыбаки не спеша кидали в воду тяжелую сеть метр за метром. Круглые, с дыркой посередине кирпичи, звонко булькая, уходили на дно. Привязанные к подбору невода куски белого пенопласта, дергаясь на канате, медленно уплывали назад. Пока бросали невод, Хансота часто разгибался, от постоянных наклонов болела спина. Иван, молодой да здоровый, и тот выдыхался. Только Степану было все нипочем. Когда проплывали мимо коряги, он всегда бормотал как заклинание что-нибудь вроде этого: «Поймает, не поймает, увидит и не увидит, пошутит, не пошутит». Умолкал и вздыхал облегченно, когда убеждался, что коряга позади. Когда тащили невод на песчаный берег, все внутренне напрягались. Если невод легко шел, было ясно: на большой улов нечего рассчитывать. Но когда сеть шла туго, тяжело, сомнений не оставалось: мешок невода полон добычи. Когда рыбаки, встав кружком, окружали неводной мешок, он походил на большой кипящий

котел. Вода пенилась и трепетала. Блестела серебристой чешуей ряпушка. Брызги, шум воды, возбужденные голоса рыбаков. Это была музыка рыбацкой удачи. Андрея всегда охватывала радость, волнение переполняло душу.

Среди серебристого мельканья всплывали темные спины усатых налимов. Раскрывала пасть мелкая щука. Затем рыбаки подтаскивали городовушку и зюзгами (лопата из проволочной сетки) черпали все это добро в лодку. Уходила вода из зюзги, падала ряпушка в лодку, борта которой покрывались серебристыми блёстками чешуи.

Всяк рад, когда труд результативен. Отступят куда-то трудности, другие невзгоды. Останется удовлетворение от сделанного.

Путь обратно всегда кажется короче и легче, каким бы он ни был.

Предчувствие

Шли дни за днями. Часто дождило, и от этого было промозгло и холодно. Солнце выглядывало редко-редко и нисколько не грело. Иногда выпадал ненадолго снег. Утром он был белым-белым на чумах, на земле, к обеду подтаивал. На берегу возле лодок снег превращался в месиво грязи, липнувшей к сапогам, к одежде. Птицы собирались в большие стаи, готовились в путь-дорогу в теплые края. С первыми заморозками заторопились на юг гуси. Днем и ночью слышался их прощальный клич в осеннем поднебесье. Вороны шумными стаями устраивались на высоком тале, что-то бормотали между собой. Временами с карканьем, шумя крыльями, всей стаей взлетали. Только чайки пока никуда не торопились. С утра до вечера горланили на реке от сытости и жадности.

Ряпушка шла большими косяками. Уловы с каждым днем были богаче и богаче. Дни становились все напряженнее,

от темна до темна шла рыбацкая страда. На сон отводилось мало времени, коротким был перерыв на обед. Бесперывно работали рыбоприемные суда, подъезжали без опозданий рефрижераторы, подвозились пустые баржи для загрузки ящиками с рыбой. Рыбаки черпали с неводов ряпушку в ящики. Ящики взвешивали, загружали на суда. Пятидесятикилограммовые ящики с каждым днем становились все тяжелее и тяжелее. Наваливалась усталость. Пронизывающий ветер, покрытые наледью лодки давали массу неудобств. Но такова жизнь рыбака. Испокон веков.

В то утро мороз был особенно крепок. За ночь по берегу реки вдоль воды сели «стариковские шапки». «Шапки» эти — фигурная наледь, похожая на старые пожелтевшие от долгой носки меховые оторочки капюшонов. Эти полукружья волна обтачивает изо льда и пены. Если появились «стариковские шапки» возле воды, значит, начнется шуга. Мороз за один день превратит речную воду в лед.

Было еще темно, когда Ябтане разбудила сына. Андрей, который обычно сразу просыпался, сегодня не мог избавиться от оков сна. Когда наконец мать подняла его, не мог понять, где он и зачем его тормозат. Всю ночь ему снились кошмары. Под утро приснился сон. Сидит он на берегу реки, скованный страхом, боязнью того, что сейчас что-то должно случиться. Он пристально всматривается в волны. Наконец из воды появилась костлявая рука с длинными пальцами. Рука схватила его за подол малицы и стала тянуть под воду. Андрей упирался, цеплялся за кусты. Только голова из воды торчала, когда его стала будить мать. Был весь во власти сна, сидел на постели, ничего не соображая. Вздвогнул от неожиданного стука. Это мама его чуть не уронила чайник, ошпарив руку паром. Чайник со стуком брякнулся на пол. Наконец Андрей пришел в себя. Сердце бешено колотилось. Вдохнул полной грудью воздух, с шумом выдохнул его. Ябтане была

озабочена состоянием сына. Еще раз набила сухими дровами печь. Несмотря на брезентовые нюки и холод, жилье быстро набирало тепло. Конечно, можно было покрыть чум внутренними зимними нюками, но в такую пору некогда заниматься перестройкой. Андрей наспех позавтракал, вышел из чума. Из его бригады на улице был только Ханко. Двое парней из соседней бригады о чем-то оживленно спорили. Увидев бригадира, Ханко торопливо спустился к лодкам. Сапоги Андрея стучали о мерзлую землю. «Шуга начинается, — заметил Ханко, — сегодня, наверно, ледостав начнется. Вон, на соседней тоне, катер лед ломает. Хватит ряпушку ловить. Всё. Отдыхать надо». Но бригадир молчал, и Ханко смущенно умолк.

Лодки прихватил тонкий лед. «Действительно, куда еще ловить. После полудня мороз начнет крепчать, прихватит льдом открытую воду. Ломай лед, не ломай — проку не будет. Чего доброго невод можно приморозить. А сколько будет весить невод в такой воде», — думал Андрей, пытаясь подтолкнуть неводник, но лодка даже не пошевелилась. Решил подождать товарищей. Его взгляд упал на городовушку. Она была плохо помыта вечером. Все нутро лодки облеплено чешуей и покрылось тонким слоем льда. Резко обернувшись к подходящему Ивану, раздраженно сказал: «Почему лодка плохо помыта, вся обледенела. Это для нас лишний раз тормоз. Сами ведь потом маяться будем. Скоблите всю грязь ножом». Иван хотел что-то ответить, но промолчал. С Андреем стараются не спорить. Его уважают не только как бригадира, но и как хорошего человека. Честный, справедливый и добрый, даже в минуты гнева он не поднимал руки ни на кого. Бывший школьный боксер, он поддерживал форму и сейчас. Андрей считал низостью поднятую на слабого руку. Иван залез в городовушку, стал соскребать ножом наледь с чешуей от досок.

Трагедия на воде

Когда все были в сборе, начали отдирать примерзшие лодки, которые сидели как приклеенные. Андрей вцепился в борт двумя руками. Налег грудью Степан. Протянул было руки и маленький худенький, похожий на подростка Гена Яптунай. «Куд-д-да лезешь? — одернул его Степан. — Залезай наверх. Твой птичий вес нам не помеха». Обиженно поджав губы, Гена залез в лодку. Хансота и Максим приподняли её за нос. Рывок! И лодка на воде. Когда все лодки оказались на воде, было около 11 часов утра. Пока возились, время не стояло, не ждало, когда рыбаки тронутся неводить. По всем свободным ото льда тоням стучали подчалки. Кто-то уже плыл рыбу сдавать, утренний улов, кто-то только сейчас невода кидал. «Забросим невод один раз. Хватит рыбачить, не буду зря людей мучить. Рыба рыбой. Дед когда-то говорил, что у природы всего надо брать в меру. Жадность до добра не доводит. Хотя причем тут жадность? Ну, отказался бы я сегодня рыбачить. Тут же примчится на своем катере инженер лова Голиков Николай и наорет на людей. Пригрозит лишением премии или увольнением. А куда рыбак с насиженного места денется?» — думы преследовали Андрея весь путь до тони. Еще ему припомнился ночной сон. В недоброе предчувствии заныло сердце.

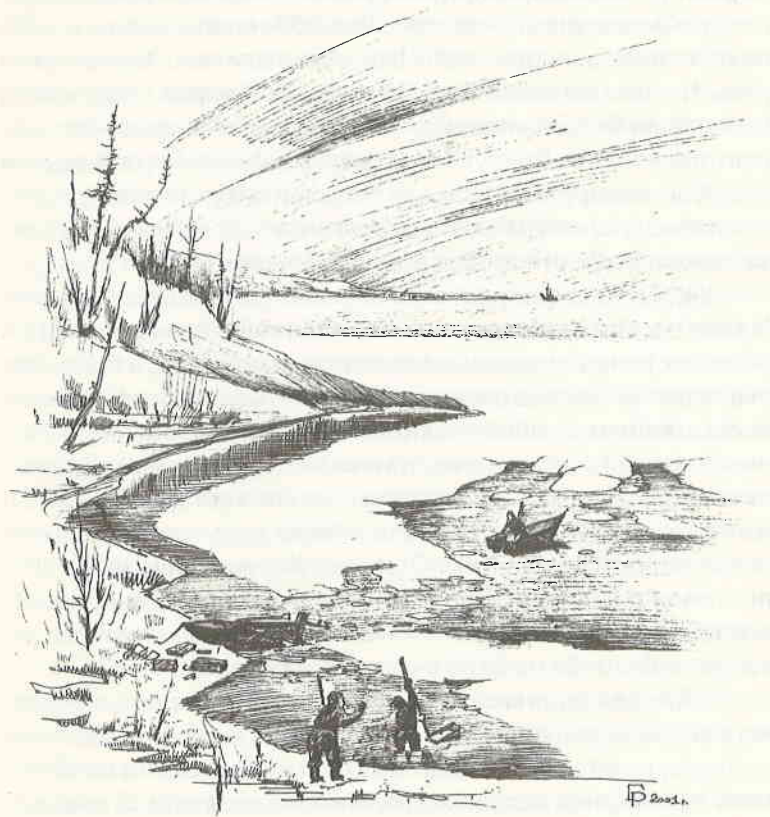
До тони проплыли по чистой воде без препятствий. Мимо промчал катер Голикова. Размял лед на их тони. Сразу же бросили невод. Тянуть было тяжело. Невод полон рыбы и к тому же набит ледяной крошкой шуги. Сил придавало то, что это была последняя рыбалка по воде. Городовушку наполнили ряпушкой до краев. Затем Андрей решил часть рыбы убрать из лодки и перегрузить в ящики на подчалок. Полная обледеневшая городовушка могла затонуть. С нетерпением бригада тронулась в обратный путь. Плывать уже было тяжело. Река покрывалась тонким льдом и тормозила ход. По

чистой воде до рыбоприемки час ходу. Но сейчас эти пять километров, состоящие из двух поворотов реки, растянулись на неопределенное расстояние. Мороз крепчал. Метр за метром людям приходилось отвоевывать у льда. А когда остался последний поворот, караван не плыл, почти полз. Люди вдоль бортов лодок ломали ледяной покров, который удерживал их. Ломали тем, что у кого под рукой: зюзьгой, досками для сиденья, шестом. Главное сейчас — доползти до поворота. За поворотом чисто ото льда. Там рыбоприемка стоит, неустанно катер ломает лед, чтоб запоздавшие рыбаки могли сдать улов. Но как добраться до поворота? Эта излучина реки защищена от ветра крутым берегом и стеной высоких талов. Ветер не добирается сюда. Волны не беспокоят воду, которая стоит и стынет. Молча работают рыбаки, сняты капюшоны. Только слышится хриплое дыхание. С дымом, с визгом, будто из последних сил тянет движок. Андрей начал нервничать. Примерзнут лодки, пропадет улов. Люди зря намучаются, да и позор на все рыбоугодье. Порою достижение цели бывает превыше всего. В азарте погони люди забывают об опасности, а она подкарауливает в неожиданный момент.

Караван медленно, но плыл вперед. Степан стоял на самом носу подчалка и шестом ломал лед. Иногда шестом пытался двинуть лодку вперед. Ноги у него скользили по бортовому краю лодки. В очередной раз резиновые болотники, скользнув по борту, подвели Степана. Потеряв опору под собой, парень повис на шесте, который под его тяжестью тут же сломался. Степан оказался в ледяной воде, в трех метрах от подчалка. Затопорщились, как тонкое стекло, разломанные льдины. Степан скрылся под водой. Заволновалась вода, загудела под тонким льдом. На какое-то время все оцепенели. Первым опомнился маленький Гена, он заметался по лодке в поисках веревки. Все задвигались. Наконец Степан показался почти по пояс из воды, но тут же начал погружаться. Он молча, с раскры-

тым ртом погружался в воду, хватаясь за гладкий лед голыми руками. С лодок бросали доски, веревку, но до цели ничего не долетело. Степан опять погрузился в воду, над водой торчала какое-то время его поднятая рука. Иван пытался развернуть подчалок, который, нехотя переваливаясь, сдвинулся с курса. Но было уже поздно. Степан больше не показался. Люди, стоя на лодках, кричали от собственного бессилия. Андрею чуди-

лось, что он отлетел от лодки спасать товарища, махая руками как крыльями. Но не мог никак долететь до полыньи, подол малицы за что-то зацепился. Очнулся от холодных брызг на лице. Руки, которыми махал, погружались в воду, обрызгивая лицо водой. С двух сторон его цепко держали Иван и Харчо, со спины на Андрее висел Гена. Рыбаки с силой усадили его на переднее сиденье. Лодки меж тем стояли и начали примерзать. С неводника кричали рыбаки и махали руками. Все понуро разошлись по местам. Только Андрей сидел и глядел вокруг, ничего не понимая. Иван завел движок, Харчо сел за руль. И опять началась борьба со льдом. Андрей сидел молча и с полным безразличием следил за дальнейшим, на него нашло оцепенение. Вокруг него товарищи с двух бортов ломали лед. А бригадиру казалось, что они кланяются воде. Ему вдруг стало смешно, и он разразился долгим хохотом. Наконец резко замолчал. Рыбаки изредка поглядывали на него.

Уже начало синеть, когда вырвались из ледяного плена. К счастью, ни одна из лодок не дала течь. Остальное время усталым, измученным, ошеломленным из-за смерти товарища рыбакам показалось очень растянутым. Сдача улова, тяжелая зюзяга, ящики с рыбой стали почти неподъемными. Полуночью, в кромешной темноте, приехали к своим чумам. Дурные вести летят быстрее птицы, трагическая весть дошла уже до их становища. Когда пристали к берегу, на травяной кочке возле спуска сидела мать Степана. Харчо и Хансота молча постояли возле нее. Она никого не упрекала, не кричала, все твердила одно и то же: «Сыночек, что же ты так? Как же теперь я без тебя на белый свет буду смотреть?»

У Андрея саднило в груди. Боль мешала дышать. Он молча, с великим усилием, подошел к старой женщине. Постоял немного, не зная, что сказать. Потом поднялся к себе. В эту ночь и так немногословные люди молча ужинали. С тяжелой душой, горестно вздыхая, рыбаки отошли ко сну.

Тяжелое утро

Всю ночь Андрей дергался во сне. Он не засыпал, только временами дремал. Стоило задремать, казалось, что куда-то долго падает. Когда утром его разбудила мать, поднялся с чувством тяжести во всем теле. Посмотрел на макодасы, солнечные зайчики облепили верхушки чумовых шестов. Неожиданно Андрей вспомнил про вчерашнюю трагедию. Захолонуло сердце и больно заметалось в груди. Он, схватившись за голову, промычал. Мать, сидящая возле печи, обернулась к нему. С трудом Андрей встал на ноги, стал надевать малицу, но застревали в малице руки, голова. Наконец одевшись, вышел на улицу.

Яркий снег ударил своим сверканьем по глазам, захрустел под ногами. Весело гомонили дети. Женщины ветками стучали по брезентовым нюкам, убирая с чумов снег. Изредка оживленно переговаривались между собой. Мужчины кололи чурки на дрова. Эхо с удовольствием повторяло все звуки. Андрей присел возле чума, наклонившись спиной к нюкам. Чувство вины за смерть товарища ни на минуту не оставляю его в покое. Трагедия потрясла до глубины души. Он не ощущал ни рук, ни ног. Андрей всегда считал себя волевым человеком, всегда старался владеть своими эмоциями. Погибший на глазах товарищ, бессилие чем-нибудь помочь — внесли сумятицу в его душу. Перед глазами стояла поднятая рука, исчезающая под воду.

Из чума выглянула мать: «Куда ты подевался, чай остынет». Когда бригадир зашел в чум, Ябтане уже подпоясывала старенькую ягушку. На улице ее ждала куча дел. Возле ног хозяйки с нетерпеньем крутились Алто и Тасо. Собаки выскочили впереди Ябтане с лаем и подвыванием.

Когда за матерью хлопнул полог чума, Андрей без аппетита поел. Затем стал обдумывать планы на день. Но мысли

неизменно возвращали его к Степану. У него осталась хромая мать, да при ней внучка — малолетка Иринка, которой всего четыре года. Мать Ирочки, Ябне, исчезла в поселке ранним утром год назад. Никто не знает, куда делась молодая женщина, идущая в аэропорт, чтоб улететь домой. На саночках она тащила большую сумку с хлебом и сладостями для детей. Родственники неделю вели поиски, но результатов не было. Осталась одна версия: на безлюдной дороге ее подобрал вездеход. Надругались, убили и увезли далеко в тундру. В северных краях подобное — нередкое явление. Иногда находят после таяния снега трупы без голов. Правосудие частенько отворачивает свое лицо от таких дел. Степан любил и баловал Иринку. Он не захотел отдать ребенка ее законному отцу, Павлу Ямкину. Павел последние годы много пил, с работы его уволили. Доверять ребенка такому отцу Степан с матерью не стали.

Андрей представил себе мать Степана, сидящую у очага с другими женщинами. Негромкий разговор. Горе без рыданий намного тяжелее. Женщины тундры сдержанны в горе.

Теперь Андрею стало ясно, что это плата за ежегодные богатые уловы. Очень уж везло молодому бригадиру. Полон был невод живого серебра, на любом рыбогодьё, больше всех рыбы сдавал. План, премии, деньги. Но за все хорошее надо платить или мелкими неприятностями, или оптом, по крупной цене, ценою в человеческую жизнь. Каждому дан определенный отрезок времени для существования на земле. Когда умирают молодые, кажется несправедливым, почему им так мало было выдано этого отрезка времени.

РАССКАЗЫ

Семь дней в тумане

Двое лежали на весеннем льду как отдыхающие тюлени. Лежали они долго. Изредка ворочались с боку на бок, признак того, что еще живы. Мокрый, тающий лед под ними мочил их малицы снизу. Но лежащие люди не обращали на это внимания. Один из них, поменьше ростом, целиком ушел в малицу, как в спальный мешок. Другой человек, покрупнее телом, лежал, положив голову на мокрый рукав малицы. Капюшон был снят, и начинающую лысеть макушку сильно пригревало июньское солнце. Но человек, безучастный ко всему, лежал с закрытыми глазами.

Легкий туман невесомой пеленой окутывал пространство вокруг. Рядом с ними валялось несколько пустых мешков из-под рыбы и большая распластанная нельма, которую рвали на части крикливые чайки. Они приглушенно ворчали друг на друга с набитыми рыбой клювами. Из-под кучи сетей торчали осетровые головы с засохшей кожей, с выклеванными глазами. Тут же валялась пустая бутылка с наклейкой «Русская водка».

Иногда один из лежащих тяжело поднимался, брел в сторону, но натыкался на разлом в льдине. Вокруг ледяного острова, на котором они находились, были нагромождения глыб. И больше ничего.

Никаких очертаний берегов невозможно было увидеть. Туман, висящий над губой, скрывал берега. Плохо было то, что никак не определить день или ночь. Круглые сутки яркий свет, от которого устают и болят глаза. Обследовав свой ледяной остров, человек подходил к спящему товарищу, тормошил его. Убедившись, что тот жив, отходил от него. Тогда он припадал ртом к небольшой лунке, выдолбленной

складным ножом. В лунке набиралась за день вода. Утолив жажду, рыбак опять ложился и закрывал глаза. Отпугнутые им чайки возвращались к трапезе. Ругаясь, рвали нежную рыбку плоть, выхватывали друг у друга куски рыбы. А люди лежали, не обращая внимания на крики чаек.

* * *

Теперь надо вернуться к тому, как эти двое попали на большой кусок льдины, теснимый ледоходом с разных сторон.

В конце мая, когда появились забереги, то есть вода вдоль берегов губы, восемь рыбаков Антипаютинского рыбоучастка были заброшены в район мыса Поворотный. Недалеко от этого мыса впадает в губу река Адер-Паюта. Этот район, вдоль берега губы, вроде, считается заповедником. Здесь находятся зимовальные ямы ценных пород рыбы, сиговых: нельмы, муксуна, а также осетра. Там, где находятся нерестилища этих ценных пород рыбы, запрещается вести лов. Но каждый год в эти места привозят бригаду рыбаков. Они ставят на лед сети с большой ячейей. И начинают на льду бить хвостами толстые нельмы, извиваются осетры, муксуны жабры раскрывают. В те времена, как и сейчас, лов этой драгоценной рыбы считался браконьерством. Ненец, живущий на своей земле, не имел права ее есть или обменять на хлеб.

В общем, воздушный патруль рыбоохраны не беспокоил этих рыбаков, потому что они вели контрольный лов рыбы ценных пород. Но так ли это на самом деле?

Рыбаки жили в палатке. Шестеро молодых и двое предпенсионного возраста. Раз в неделю к ним садился вертолет, прилетал управляющий Антипаютинским рыбоучастком Виктор Иванович Полещук. Полещук, энергичный молодой человек, был хорош собой. Смуглый, чернобро-

вый, с открытой улыбкой, располагающей к нему людей, был настоящим хозяином всем и всему. Но Полещук всегда был готов помочь кому-нибудь в нужде. Давал деньги из своего кармана. С его помощью вопрос жилья решался быстро. В те времена антипаютинских рыбаков вывозили из своего поселка хоть куда: в Новый Порт, в верховья Таза Лысу-Мара, Ваня-Мара, на осенний лов ряпушки, в «Сэхэ-ряв». В районном центре Тазовске один молодой рыбак с Антипаюты попал в переделку. Местные хулиганы окружили парня вечером в тихом месте. Ясно было одно: живым не уйти. Ему оставалось или ждать смерти, борясь за жизнь, или, не сопротивляясь, ждать своей кончины. По традиции ненец-мужчина всегда имел при себе оружие, вернее, нож в ножнах. В данном случае, рыбак применил его в целях самозащиты. Убил одного бандита.

Всё было против рыбака. Не оказалось ни одного свидетеля. Оставшиеся в живых хулиганы наговорили на него. И только благодаря товарищу Полещуку парень отсидел полсрока, ему дали семь лет за самозащиту. В наше время, может, и найдется хоть один начальник, который примет живое участие в судьбе попавшего в беду ненца. Может, найдется. Рыбаки уважали Виктора Ивановича за то, что он был мужик с понятием. Много лет с тех пор прошло, но Полещук все еще в памяти людей того поколения.

Привезет управляющий раз в неделю продукты рыбакам: мешок хлеба и ящик водки. Начинают загружать вертолет рыбой. Нельмы в длинных ящиках, толстые бока которых обложены кусками льда. Торчат из накрошенного льда тупые осетровые морды. Некоторые шевелят жабрами. Живучая рыба. Аккуратненько, бок о бок, лежат в ящиках горбатые муксуны. Рыбаки по-свойски обращаются с Полещуком, он с ними тоже запанибрата. Хотя все почти одного возраста, рыбаки и начальник, но первые очень уважают последнего.

Крут хотя, но справедлив, и такого начальника больше нигде нет. Вертолет был загружен. Летчики себя тоже не обделяли. Полещук прощался с рыбаками, рыбаки с ним, и Ми-4 поднимался в воздух. Увозил драгоценную рыбу, предназначенную только для избранных.

Шли дни за днями. Шли неторопливо. Днем рыбаки в основном спали. Где-то после полудня все не спеша вставали. После чая мяли высохшие, твердые, как картон, подошвы малиц, намокшие ночью на рыбалке. Затем молодые рыбаки до вечера бродили по тундре. Охотничали, то гуся, утку подстрелят, то куропаток принесут. Деликатесная рыба осетрина, но есть ее каждый день невозможно. Надоедает. Мясной продукт очень кстати для разнообразия. Пока молодые были на охоте, старые готовили пищу, рубили дрова.

А вокруг пробуждалась природа. Звонко журчали ручьи, прозрачные, с ледяной водой. Терпко пахло багульником. Карликовая березка выпустила круглые мелкие листочки. Птицы на все голоса славили весну. В ярко-синем небе медленно проплывали пушистые облака. И люди чувствовали слияние с природой.

К ночи все рыбаки выходили на лед проверять сети. Улов был очень богат. Осетры шли друг за дружкой в хвост, обмотавшись в сети так, что их распутывать была сплошная морока. Пока вытащишь осетра, все пальцы в царапинах. Нельмы ворочались, зацепившись всего за крючкообразный отросток на носу. Но надо быть настороже, она может сорваться с сети еще в майне. Легче всего было брать с сетей муксуна. Никаких неприятностей. И руки целы, и рыба на льду.

Потом улов грузили на нарточку, таскали к берегу. Под крутыми берегами снег не тает до середины лета. Так в этих природных холодильниках рыба сохранялась надолго свежей. Делали несколько рейсов. Рыба крупная, тяжелая все-таки.

Шипастый весенний лед даже в болотных сапогах причинял боль ногам. Но молодых ненцев тех поколений не пугали ни боль, ни трудности жизни и быта. Романтика тундры все-таки была тогда своеобразной школой закалывания характеров и шкалой нравственных ценностей. Полуголодная жизнь в холоде, лишенная всякого комфорта, усиливала стимул к выживанию. Сейчас у большинства молодых людей ненцев жизнь идет на самотек. Уже нет особых трудностей, бороться не с чем, нет цели, нет идей. У них совершенно отсутствует чувство долга перед родителями, перед своей нацией...

Ловилась большая и пребольшая рыба месяц. Таял снег, подтаивал лед. Забереги стали широкие, переплывали их на небольшой деревянной лодочке, калданке. Лодочку эту они привезли с собой из поселка на вертолете. Ее удобно таскать, хоть она маловата для груза. Но калданка — лодка старинного типа. И потому выдерживает конкуренцию с другими лодками, деревянными, железными. Она незаменима в тундре. Правду говорят: мал золотник, да дорог.

Потом снизу, из воды заберегов, стали выплывать куски льдин. Рыбачить стало опаснее. Но опасность северного человека не пугает. Она только настораживает, делает расчетливой. Рыба в сетях не переводилась. Однако таявший снизу и сверху лед становился тоньше.

И вот пришел день, прилетел вертолет. Управляющий привез два ящика водки, сказал: через неделю всем быть готовыми домой. Рыба в вертолете. Вертолет в воздухе. А в палатке на берегу реки Адер-Паюта началась попойка. Люди водку пили да друг друга били. Пели песни русские и ненецкие. Когда появлялась способность стоять на ногах, ходили проверять сети, но уже реже. Рыбу на берег, в ямы снежные тащить было лень, да и сил не хватало. И ее оставляли на льду, прикрыв мокрым брезентом. Сети, сняв грузила и поплавки, понемногу таскали на берег, это ведь материальная ответственность.

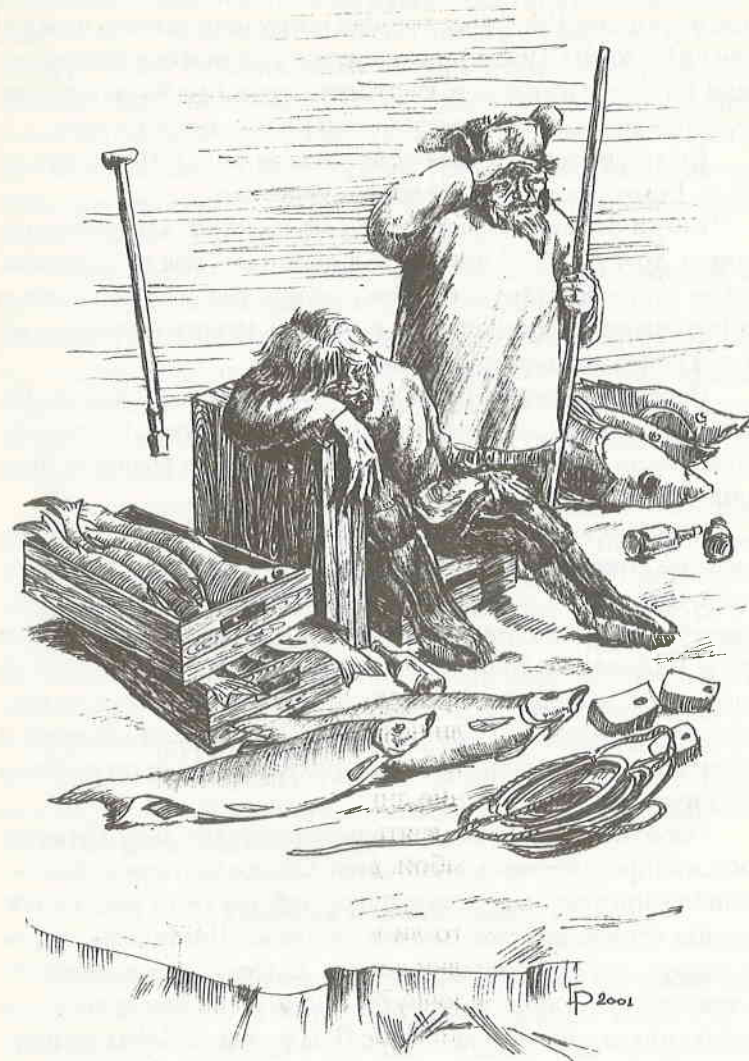
Вертолет прилетел за ними ровно через неделю, в полдень. Полещук на борту отсутствовал. Отупевшие от бессонницы и пьянок люди хватали свои мешки, рыбу и бежали к вертолету. Нашелся один только умный, снял палатку. Часто во время таких погрузок у летчиков рвется из уст одно только слово с разными интонациями: «Быстрее, быстрее, быстрее». Наконец загрузились. Вертолет взлетел. Рыбаки вытерли взмокшие от пота лбы. Тяжело дыша, улыбаясь, глядели друг на друга. Вдруг головы у всех сидящих завертелись, начали оглядывать соседей. Все остолбенели. Не хватало двоих. Что делать? В шуме двигателя ничего не слышно. Один развел руками, другой пожал плечами, остальные поглядели в иллюминаторы. Подлетели к Антипауте.

Опять быстро-быстро выгрузились. Вертолет почти не касался посадочной площадки. Затем летающий транспорт улетел. Все спешно разошлись по домам, по чумам.

Управляющий прилетел в Антипауту через пять дней. Узнал, что двоих потеряли, пришел в ярость. Хотя на кого злиться? На себя, опоившем людей, на рыбаков, потерявших товарищей?..

А теперь вспомним про тех двоих на льдине. Два попавших в беду человека были немолоды. За месяц рыбалки им перепало работы немного, молодежь всю трудную работу брала на себя. В последние дни, когда молодежь расслабилась, старикам пришлось взяться за работу. Они делали по рейсу в день на лед за рыбой. Для бодрости брали с собой бутылку водки.

В тот день, утром, то ли из-за жадности, то ли из-за чего еще взяли две бутылки водки. А может, это рука судьбы сунула им еще бутылочку? Как бы то ни было, но счет дням по пьяни был утерян. Подвыпившие рыбаки потеряли бдительность.

Поплыли на калданке на лед. Первую бутылку выпили еще по дороге. Нарточку кое-как нагрузили рыбой, но идти уже не было сил. После долгого запоя старики быстро захмелели, развезло их вконец. Вертолет, севший на берег к палатке, они видели, правда, вспомнили позже, как в тумане.

Были уверены: к ним обязательно сядут. Но не тут-то было. Вертолет улетел, не завернув на лед.

Когда старики опомнились от шока, стали ругаться, винить друг друга. В чем? Оба виноваты и оба не виновны. Затем открыли вторую бутылку водки. Выпили не спеша и отключились. Проснувшись, кинулись искать калданку, но лодка исчезла, льды потопили.

Первые два дня жить на льду было сносно. Сырой рыбы полно, как-никак все-таки еда. Питья тоже полно. Прохудившиеся майны были опасны, но жажда после выпивки притупляла страх.

Каждый день над ними висел туман. Сначала они ни о чем не тревожились. Знали, их будут искать. Старались скоротать время за разговорами. Вспоминали молодость, совместные грехи, напевали сказки-хынабцы, которые им сразу надоедали. Чаще всего начинали ругань с мелочей, выговарятся, разойдутся в разные стороны, походят на видимом расстоянии друг от друга. Затем шли обратно к своему месту, разделявали осетра, но съедали по маленькому кусочку.

Рыбаки не знали, сколько времени они на льду. Им казалось, что прошло очень много дней. Однажды, проснувшись, увидели чистое, как стеклышко, небо. Туман рассеялся. Солнце стояло высоко, значит, полдень. Поглядели старики вокруг, что-то берегов не видно. Высокие крутые берега Тазовской губы куда-то исчезли. Один из рыбаков встал на санки, оглядел внимательно мыс Поворотный. Близлежащие берега виднелись далеко маленькими голубыми бусинками. А

раньше до Поворотного было рукой подать. Это что выходит, льдина, их остров, идет? И куда? Прямо в Обскую губу. И тут пришел страх. Схватил обоих за душу, и они начали кричать. Кричали, звали на помощь. Зачем? Разве кто-нибудь услышит в этом безлюдном пространстве? Может, именно в те минуты старые люди пошли на тяжкий грех? Обещали Великому Нуму чьи-нибудь души? Не потому ли у обоих стариков через несколько лет утонуло по сыну? Как знать.

Затем время опять затихало. Рыбаки ждали, надеялись. Туман сменялся ненадолго солнцем, солнце надолго туманом. Один раз лежали они на льду в густом белом, как молоко, тумане. Шум вертолета, пролетевшего над ними, поднял стариков на ноги. Но туман, обнимавший их, не выдал людей. Мужчины-ненцы редко плачут, но тут из глаз потекли скупые слезы.

На седьмые сутки лежали на льду как тюлени. Лежали, закрыли глаза. Тумана над ними не было. Светило солнце. Рыбаки отнеслись к погоде равнодушно. Рокот летящего вертолета гулко отдавался на льду. Лежащие медленно сели, поднялись на слабые ноги. Вертолет завис над ними. Тучный Ваню тасил свою сырую малицу за капюшон, шатаясь, брел к вертолету. Маленький, некогда проворный Икели падал от воздушной струи винта, поднимался и упорно шел навстречу бежавшему к ним Полещуку. Потом вертолет взлетел. Кружились на пустой льдине чайки, исполняя свой ритуальный танец над останками осетров.

Первое испытание

Был обычный морозный зимний день, не слишком холодный, но и теплым не назвать. Бескрайнюю ширь тундры освещало негреющее солнце, висевшее над тундрой не слишком высоко, но и не низко. Ненцы про этот период зимы

говорят: солнце село на кончик оленьего рога. Где-то полаял песец, не видимый среди снежных барханов. Промелькнула, шурша крыльями, стая куропаток. Застывшее безмолвие белого цвета слепило глаза.

По промороженной, местами заметенной дороге шел мальчик двенадцати лет. На нем был широкий овчинный полушубок, покрытый темно-серой тканью. Уши кроличьей шапки повязаны под подбородком. Серые валенки великоваты, но в них легко и удобно. На круглом лице сердито смотрели вперед большие черные глаза. Временами он шмыгал маленьким вздернутым носиком. Большой шарф, завязанный назад, прикрывал рот. Шел мальчик скорым шагом, не останавливаясь. Изредка поглядывал по сторонам, обшаривая взглядом далекие холмы, покрытые снежным одеялом. Дорога, по которой он шел, была давней, твердые сугробы перерезали ее поперек. Не было на тех сугробах ни полос от полозьев нарт, ни ямок от оленьих копыт.

А мальчик упрямо шел вперед. Какие же неотложные дела погнали его в эту снежную пустыню? Какая беда отправила этого маленького мужчину навстречу верной гибели? Что заставило ребенка покинуть теплое жилище? Он был совсем один в этой суровой холодной тундре.

Со стороны востока на небо стала напозать фиолетовая тень. На небосводе одна за другой вспыхивали, зажигаясь, звезды.

Мальчик стал шататься от усталости и решил передохнуть. Он сел на снег, достал из-за пазухи небольшую стеклянную баночку с водой, отвинтил крышечку и маленькими глотками стал пить. Затем бросил в баночку несколько кусочков снега, чтоб вода не убывала. Крепко завинтил крышку и сунул баночку за пазуху. Затем достал из кармана кусочек хлеба, который успел подмерзнуть. Путник с аппетитом погрыз его. Затем лег на спину и поднял кверху руки и ноги. Он

не раз слышал от деда, что при долгой ходьбе надо обязательно проделывать это упражнение. Кровь отливает от рук и ног, они становятся легче. Подержал руки и ноги в вертикальном положении сколько смог, потом вскочил на ноги и зашагал дальше.

Меж тем полнеба уже потемнело. Маленький путник теперь смотрел только под ноги, боясь потерять дорогу. Это была единственная мета, оставленная людьми в этом снежном мире вокруг него. И мальчик цепко держался за эту полузаметенную дорогу. Это был волосок, спасающий его пока от неминуемой смерти. Потеряв эти следы оленьих копыт и полоски от полозьев, он потеряется навсегда.

Темнота надвигалась стремительно. Когда на небе осталась только голубая полоска заката, мальчик остановился. Поползал на коленях по снегу, присмотрелся, убедился, что он все еще на дороге. Немного отдохнув, присмотрел куст повыше остальных в трех метрах от дороги. Путник вырыл под кустом небольшое углубление и прилег калачиком. Отдохнув немного, мальчик задумался. Мысли унесли его туда, откуда он начал свой путь сегодня утром. До сегодняшнего дня у него не возникало дум о побеге. Как и все интернатские дети, он скучал по дому. Каждый день мальчик ждал отца. И вот теперь он, ученик 5 класса Ядне Слава, лежит под кустом один в безграничной, безответной темени, в стылом царстве снега. Мальчик опять вернулся мыслями в интернат. В школе и в новом жилом корпусе интерната пятиклассники самые маленькие. Старшие ребята их обижают. А в школе у пятиклассников новые учителя, они разные, и к ним тоже надо привыкнуть. Слава с душевной теплотой вспомнил Галину Степановну. Она была его первой воспитательницей. Эта добрая русская женщина заменила им мать. Оторванные от привычной жизни, от матерей, от родного очага, тундровые дети тянутся, как цветы к солнцу, к ласковому слову, доб-

рой улыбке. Так Галина Степановна стала второй матерью оторванным от своих корней детям. И эти дети уважали и любили ее.

В этом году Славе не повезло. Новая воспитательница, женщина средних лет, оказалась не в меру строга. Валентина Ивановна, так ее звали, порой становилась просто злой. Славе два раза от нее доставалось. И причем очень больно. Первый раз она схватила его за волосы и била головой о стенку. Причиной ярости стало то, что Слава в азарте беготни не заметил Валентину Ивановну и врезался головой ей в бедро. Как он тогда плакал, больше от обиды, чем от боли. Ведь даже мать никогда его не била. Второй раз Валентина Ивановна отхлестала его по щекам. Слава тогда пострадал без вины. Его тогда подставили. Вечером дети гладили рубашки на завтра для школы. Кто-то оставил включенный в розетку утюг. Утюг перегорел. Какой-то недруг указал на Славу, хотя он тогда погладил свою рубашку самым первым. Воспитательница не стала слушать объяснений. Пощечины, которые он получил, стали для него большой душевной болью.

Мысли вернули Славу в сегодняшнее утро. Он и Миша Вануйто были сегодня дежурными по комнате. Дети их группы ушли завтракать. Мальчики старательно помыли пол и заторопились вслед за остальными. Когда Слава и Миша пришли в столовую, все их ребята уже сидели за столом. Дежурные ставили перед каждым тарелку с манной кашей. Валентина Ивановна в этот момент считала детей указательным пальцем. Не хватало двоих. Мальчики только собрались раздеться, когда она, обернувшись, увидела их. Ребята замешкались, когда увидели Валентину Ивановну, быстро идущую к ним. Выражение ее лица не предвещало ничего хорошего. Ребята молча ждали, на кого же она обрушит свой гнев. Первому досталось Славе. Воспитательница схватила его за воротник шубы и так затрясла, что отлетела верхняя

пуговица. Когда Валентина Ивановна выпустила его, Слава, потеряв равновесие, упал и тут же получил пинок под бок. Опять его детскую душу захлестнула обида. Сдерживая слезы обиды и боли, Слава закусил губу, резко вскочил на ноги и бросился вон из столовой. Побежал в корпус интерната. В своей комнате стал искать теплые вещи. Слезы душили его, но Слава великим усилием сдерживал их. Надел еще пару штанов, теплый свитер. Затем порылся в своей тумбочке. В пустой коробочке из-под импортного печенья хранил он два кусочка черствого хлеба. Хлеб сунул в карманы. Стекланную баночку наполнил водой, завинтил жестяной крышечкой. Торопливо одевшись, вышел из интерната.

Дороги выбегали из поселка в разные стороны. Одни петляли, кружили вдоль поселка, другие скрывались в ледяных торосах губы, а третьи дороги вели в тундру. Мальчик зашагал в тундру по одной из дорог, которая, как он предполагал, вела к родному очагу. Пока шел, слезы высохли, боль душевная рассосалась.

Сейчас, лежа в своем снежном укрытии, мальчик впервые за весь день почувствовал свое одиночество. Как ни мужался, обида опять стала хватать его за горло. И когда стало невмоготу, Слава расплакался. Сперва он плакал тихо, спрятав лицо в рукав шубы. Затем поднял лицо к ярко горящим звездам. Тихий плач перешел в рыдания. «Мама, мамочка, где ты? Забери меня из этой снежной ямы! Мамочка любимая, неужели ты меня не слышишь? Мамочка, где ты? Если не придешь, я ведь умру здесь. Когда ты станешь старой, кто тебе дров привезет и нарубит? Кто тебе воды натаскает? Мама, мама, мамочка любимая!» Слава рыдал, слова, которые он выкрикивал сквозь слезы, были обращены только одному человеку, любимейшему на земле, маме. Устав плакать, мальчик притих. Содрогаясь от рыданий, почувствовал холод. Начал дрожать мелкой дрожью. Зная, что нельзя долго сидеть на

снегу, встал на ноги. Попрыгал на месте, рысцой побегал вокруг куста. Наконец выбился из сил, присел на снег и решил поужинать. Достал баночку и второй кусочек хлеба. С трудом отламывал зубами почти каменный кусочек хлеба. Некоторое время держал во рту, чтобы подтаял. Попил немного. Оставив немного воды, сунул баночку за пазуху. Холод запустил свои щупальца под одежды. Слава начал мерзнуть все сильнее и сильнее. Вместе с холодом стал подкрадываться страх. Густая тьма обступила беглеца со всех сторон. Славе чудилось шуршание, дыхание страха, заползающего к нему в душу. Сердце трепетало, стучали друг о дружку зубы. А мозг мальчика лихорадочно работал. Всем своим существом мученик желал вырваться из темного холодного плена. Желал одного: К свету! К людям! К теплу! Подкралась усталость, началась зевота. Наконец он опустил в свою снежную яму. Начало клонить ко сну. Мучительно борясь со сном, начал вспоминать интернат, друзей, затем мысли его полетели к далекому родному чуму. Мальчик опять заплакал. Теперь это скорее похоже на скулеж продрогшего щенка. Неожиданно сквозь скулеж Славе почудился тонкий свист издалека. Мальчик встрепенулся, вскочил на ноги, прислушался. Было тихо, только в ушах звенело от этой невыносимой тишины. Беглец, затаив дыхание, слушал. Ему казалось, прошла целая вечность, прежде чем опять услышал посвистыванье. Теперь несомненно было ясно, что где-то кто-то едет. Слышно, как олени копыта и полозья нарт шуршат по снегу. Ездок свистом подгоняет оленей. Но Слава пока не мог понять, где и в каком направлении едет упряжка. В этом огромном темном пространстве вокруг него трудно было определить, где же находится эта живая душа, погоняющая оленей. И мальчик закричал, не в силах больше вынести одиночества. Слава закричал полным от отчаяния голосом: «Хей! Хей! Сюда! Сюда! Помогите! Я здесь! Здесь!»

Он захлебнулся холодным воздухом, закашлялся. И тут же совсем рядом возникла большая тень, к которой Слава, падая, кинулся. Олени испуганно рванули в сторону, но ездок удержал упряжку, не дав оленям умчаться в тундру. Привязав покрепче вожжу, человек подошел к падающему существу. Подняв на ноги мальчика, заглянул в лицо. «Да ты совсем скоро Халмер станешь. Ну, быстрее иди! Бегом, бегом к нарте». Мужчина за воротник поволок Славу к нарте. Потом пощупал у него под одеждой, помял кисти рук. После того как обследовал мальчика, снял с себя густой черный гусь (совик), надел на него. Затем усадил на нарту, закутал ноги. Крепко привязав мальчика веревкой к нарте, рванул вожжу. Упряжка бросилась в темноту. Слава не мог поверить своему счастью. Нарту подбрасывало на жестких сугробах, качало, как лодку на штормовой волне. Ездок кричал на оленей их свистом. Гибкий хорей шлепался на их спины.

Спустя некоторое время Слава сидел на теплых оленьих шкурах, завернутый в большую спальную ягушку. Пожилая женщина со смуглым круглым лицом растирала крепкой ладонью его озябшие ступни. Уже полусонному вливали ему в рот крепкий олений бульон. Он глотал теплое питье жадно, большими глотками. Уже сквозь сон почувствовал, как с него стягивают свитер, штаны. И тут же провалился в теплую яму крепкого сна. В полутьме чума потрескивали дрова в печи, а в верхнее отверстие заглядывали звезды. А мальчик спал. Спал беспробудным сном. Он сегодня прошел свое первое испытание.

Зов памяти

Почему человек возвращается к старым чумовищам? Память зовет? Или родные корни настолько крепки, что тянут назад? Может, он надеется найти какой-нибудь тайный знак — путевоитель в будущее?

Но как бы то ни было, ненца всегда тянет в места, где он родился и жил. И он урывает времечко и приезжает к чумовишам, поросшим обильной травой.

Я тоже часто приезжаю в родные места, но ни разу не побывала в том месте, где прошло мое детство. Это на берегу реки Мессо. Местечко называется «Няхар-Нго». В переводе с ненецкого «Нахар-Нго» — это «Три поляны».

Эти три поляны расположены в ольховой роще. Поляны отгорожены друг от друга стеной высокой ольхи. На поляне, которая меньше всех размером, стоял зимой наш чумик. Он был со всех сторон защищен деревьями от сильных буранов и холодов. Весной чум перевозили на небольших санях в другое место. На вторую поляну. Здесь было просторнее. Роща отступала, уступив место низкому кустарнику, небольшая тропинка вела к реке, разноголосый птичий хор не умолкал ни днем, ни ночью. Воздух был чист и свеж, чуть пахивал ароматом зацветающей зелени.

На третью поляну старались ходить редко. На этой поляне было расположено наше семейное священное место. Посреди поляны стоял каркас чумика. Шесты были железные.

Весной, когда начинала цвести земля, мы с дедушкой приходили на это место. Приносили с собой одетую в малицу небольшую куклу. И немного еды. Дедушка пояснял, что эта кукла — хозяин железного чума. (Он имел в виду каркас из железных шестов). Хозяина садили внутрь, раскладывали еду в чумике, а дедушка приговаривал: «Не сердитесь, гости хозяина, что угощения маловато: что могли, то и принесли, думаю, понемногу всем достанется».

Потом мы отходили от чумика на несколько минут. Посидев немного, возвращались к угощению и начинали есть сами. Отламывали от пищи кусочки и бросали в сторону от себя. Ели молча потому, что иногда слова ни к чему.

А вокруг кипела жизнь. На все лады пели птицы. Мелькнет в ярко-зеленой листве пуночка. Совсем рядом с нами порхает синица, косит на нас черными любопытными глазками. Жаворонок заливается в вышине. На высокой ольхе сидит и старательно прихорашивается ворона. Делает вид, что мы для нее не существуем. А ведь ей не терпится. Когда мы уйдем и оставим для нее лакомства? Но ждет.

Мелодичный лебединый клич заставил нас поднять головы. Лебедей было двое. Летели они медленно и величаво. И белоснежные красавцы на ярко-синем фоне неба были олицетворением самой божественной красоты природы.

Для многих ненецких родов лебедь — священная птица. Старики говорят, что это души умерших людей. И нельзя, только ради охотничьего азарта, убивать эту прекрасную птицу. Лебеди скрылись в сизой дымке горизонта. До сих пор мне кажется, что в том лесу птиц было больше, трава зеленее, чем где-либо. Ольховые листья и сережки ароматнее, чем в других местах. Ягель белый — пушистый и мягкий.

Может, потому я и не хочу туда заглянуть, чтобы не потревожить эту красоту, которую храню в памяти? Хотя каждый раз, когда приезжаю к родным, душой я рвусь в «Три поляны». Но что-то меня всегда удерживает.

Просто иногда кажется, что, побывав на этом островке детства, он перестанет мне сниться. И тогда из памяти выпадет что-то бесконечно дорогое, чему названия особого нет. Так — кусочек души.

Несогретая старость

В чуме полутьма. У керосиновой лампы видно примерз фитиль. И она совсем не дает света. Старуха отложила шитье в сторону, она шила подошвы для мужских кисов, хорошо выделанные оленье лбы, пропахшие дымом ивняка. Пальцы

у ней не гнутся не столько от старости, сколько от холода. Старуха вытащила из-за спины ягушку, старенькую, облезлую от долгой носки, укрыла колени, ноги.

А холод заполнил все основание чума. Белый дымок от дыхания старой женщины растворяется в гнетущей полутьме. Возле ног ворочается постанывая старая собака. Надо бы печку затопить, да дров осталось мало. Всего лишь на один чайник. А старика все нет и нет.

Холод становился все злее. Коснулся закутанных ног. Поискала рядом шапку, такую же старенькую и убогую, как все вокруг, к которой сзади была пришита цепь для тяжести. Натянула на голову старуха свой головной убор, который когда-то был нарядной женской шапкой. Поплотнее завязала тесемки под подбородком. Нехотя убрала ягушку с колен. Оперлась на палочку и кряхтя поднялась. И когда выползала на улицу, мороз белым облаком рванулся в чум.

Чумик стоял на невысоком берегу губы. Ноябрьское солнце уже закатилось за холмы, но было еще светло.

Недалеко от берега, вдоль мелких торосов, двигалась собачья упряжка. Пять небольших худых дворняжек тянули низкую нарточку с бревном, длиною в две чурки. А дворняжек тянул сгорбленный худощавый старик. Шел он почти гусиным шагом. Ноги в порыжелых старых кисах скользили по льду. Собаки тоже с трудом шли, с хрипом, с высунутыми языками.

Все устали. Но осталось немного. Вон чумик уже видать. Стоит с краю, в сторонке от других чумов, островерхий, сплюснутый с боков ветрами и буранами. Вот дымок из трубы поднялся тоненький, робкий. Собаки с визгом прибавили шаг.

Понюшка табаку

Один репрессированный старый ненец рассказал немало историй из своей нелегкой жизни. Так как это было давно,

я все его рассказы забыла. А вот одна история неожиданно вспомнилась. Ведь порой какие-то несущественные мелочи играют в жизни человека немаловажную роль. Этот старик однажды чуть не погиб за понюшку табаку. Недаром табак чего-то стоит.

Вслед за красной волной революции в тундру прикатила волна репрессий. У зажиточных ненцев советская власть отбирала многочисленные стада оленей. А бывших богачей, шаманов и знахарей угоняли в лагеря. Семьям репрессированных иногда оставляли немного оленей, а бывало — вообще, ничего. Братья Ядне Ервко и Хадко были одними из самых богатых ненцев на Гыданском полуострове. Оба были молоды и не женаты. Их арестовали в числе первых и этапировали в лагерь. Новая власть забрала для колхоза многотысячное стадо братьев Ядне. Было оставлено немного оленей для семьи из трех женщин. Бабушка, мать и сестра Ябтане, заливаясь слезами, умоляли Великого Нума (Небо) вернуть мужчин домой живыми. Долго смотрели вслед нартам, уволившимся связанных по рукам и ногам Ервко и Хадко.

Они попали в разные места. В лагере для младшего Ядне — Хадко — наступили ужасные дни. Но били его редко. Мало у кого поднималась рука на маленького, хрупкого, как двенадцатилетний мальчик, ненецкого юношу. Для парня был ужасен мир вокруг него. Еще не видевший зла в своей родной тундре, Хадко жил теперь как в каком-то страшном сне. Холод, голод и море человеческих пороков. Долгое время он за ворота лагеря не выходил. Ни на какие работы его не брали. Слишком малорослым был Хадко, за что получил прозвище Карлик. В основном ему поручали уборку помещений и дрова. Реже его посылали на складирование трупов. По лагерю заключенные собирали мертвых и складывали в углу лагерного двора штабелями. Зимой было легче, трупы были легкими, как перышки. Мерзлые мертвецы, почти скелеты, веса не имели. А вот летом

прямо беда. Трупы были тяжелые. Да еще эта вонь. Потом штабеля мертвых грузили на машины, которые, выезжая за ворота лагеря, исчезали в ближней березовой роще.

Горе горькое мыкал Хадко за колючей проволокой, но рос-подрастал. Это, конечно, относительно его годков: от голодной жизни роста не наберешь. И вот стукнуло ему 20 лет. Заключение, ходившие на табачную фабрику работать, пристрастили парня к табаку. Он не крутил из махры самокрутку, а по-ненецки мочил водичкой табак и клал за губу. Табак ему доставался редко, а охота лизнуть его приходила чаще. Хадко часто видел, как заключенные проползали под колючей проволокой и исчезали на том берегу. Там стояла табачная фабрика.

Однажды Хадко решил рискнуть. До смерти хотелось табачку. Приметил группу лагерных товарищей, наметивших поход за куревом ночью. Подсмотрел, как перебираются через ограждение. Маленькой мышкой-полевкой юркнул он в проход, вырытый в земле под колючкой. Несколько шагов — вот и речка. И тут Хадко растерялся: он не умел плавать и боялся воды. Постоял, помялся. А потом (другие ведь не тонут!) разделся. Как и другие пловцы, за которыми он наблюдал, собрал одежду в узелок, вздохнул и шагнул в воду. Вода была холодна. Вдруг дно исчезло под ногами у парня, он забарахтался. Хадко думал, что будет плыть как поплавок, а вместо этого его начало тянуть ко дну. Все еще крепко держа узелок с одеждой в вытянутой вверх руке, бедолага окунулся с головой в подводную темь. Не успел даже вскрикнуть. Но когда вынырнул, закричал от ужаса, как мог, громко. И снова — под воду с головой. Когда же вынырнул, над ним раздался окрик: «Руку давай!» Карлик выкинул наверх руку, кто-то цепко ухватил его. Затем снова окрик: «Вторую давай!». Хадко оказался в лодке, охранники ослепили его светом фонаря. «А, Карлик», — разочарованно произнес кто-то.

Потом его в караулке допрашивали: «Сбежать хотел? Кто тебя надоумил?» А Карлик, дрожа от холода, натягивая намокшую одежду, едва выговаривал слова: «Зачем бежал, я сам ходил. Табак хотел. Там большой дом, там табак есть. Не пошел, вода тонул». Охранники посмеялись над ним и отпустили. Не стали наказывать. Жалко парня стало.

После Хадко стали отправлять на работу на табачную фабрику. Так как и табак кое-где является разменной монетой, парень стал совершать сделки. Табак — на кусок хлеба, табак — на носки. Может, благодаря табаку этот маленький человек и выжил.

Удивительно, но через двадцать пять лет братья Ядне Ервко и Хадко вернулись домой, в тундру. Женщины своим трудолюбием и терпением сберегли и преумножили остаток стада. Только бабушка давным-давно померла, а мать стала совсем седая, как белокурая чайка. Ябтане прежде времени стала пожилой женщиной. Тяжелая жизнь никого не украшает. Ервко женился на молоденькой девушке. А Карлик, теперь уже Карла, так и не обзавелся семьей. К многочисленному стаду оленей он был равнодушен. Ездил по другим стойбищам. Подолгу гостил у людей, развлекая их своими байками. До последних дней своих Хадко был неразлучен со своей табакеркой из мамонтовой кости.

О чем плачут птицы

Я не люблю чаек. Крикливы, горласты, крадут с вешалок сушеную рыбу-юколу, а потом начинают скандалить. Вырывают друг у друга юколу, хрипло переругиваются. Нет чтоб друженько, молчком поклевать. А еще они питаются падалью.

По берегам небольших заполярных речек гнездятся крачки. Они поменьше чаек, у них серые спинки, белое

брюшко и черные шапочки на голове. Я всегда люблю их полетом. Плавные движения, полные достоинства. Они хорошие рыболовы. Часами кружатся над речными волнами. Резкий бросок вниз — и серебристая рыбка трепещет в клюве ловкой птички. А с каким мужеством защищает она свое гнездо! Стоит пройти мимо гнездования крачки, как она бесстрашно набрасывается на человека. Резко клюет идущего в голову, еще круг — и опять бросок на человека.

...Это было давно. Нас привезли на летнее рыбоугодье. Двое суток, проведенных в лодках, утомили людей. Уставшие от долгого водного пути, все мы выгружали свой скраб, чтобы поставить чума. Еще нас донимало комарье. В свои сорок лет моя мама была сноровистой и ловкой женщиной. Про таких у нас говорят: шаг быстрый, как у куропатки. И потому мы первыми разгрузили свои вещи и стали ставить чум. Через широкий ручей, напротив нас, стояла П-образная перекладина высотой в чум. Эта деревяшка, остаток сарая, некогда служившего складом для неводо. Сохранилась перекладина благодаря детям: летом привязывали к ней веревки для качелей. Так вот, тогда летний день клонился к закату. На перекладине сидели две крачки, поодаль друг от друга. Сидели спокойно, вертели черными головками и сверху смотрели на людей, спящих вокруг. Вдруг я заметила мальчика возле ручья. Лет ему было 10-11. Даже его вид указывал, что это — хулиган. Большая грязная болоневая куртка, неопределенного цвета вязаная шапка была надвинута на глаза. Как и следовало ожидать, он вытащил из кармана рогатку. И пока целился в одну из крачек, я оцепенело смотрела на него и на птицу. Позже я думала, почему не прикрикнула, почему не отпугнула птиц, почему не поругала мальчишку? Потом уже поняла — почему. Мое детство прошло на природе. И она делилась со мной не только своими красотами и тайнами, она еще учила меня разгадывать звуки. Я угадывала шепот

реки, знала, о чем звенит ручей, различала шум весеннего и осеннего леса, понимала пение птиц. Но я никогда не слышала до этого дня, как плачут птицы.

А тогда мальчик натянул рогатку, и камешек, служащий пулей, сбил одну из крачек. Серым комочком птица упала вниз, на сырую от росы землю. Мальчик стоял неподалеку и смотрел, как птичка, пытаясь встать на ноги, беспомощно поднимала крылья. Я видела, как вторая крачка с криком взлетела и куда-то улетела. Смотреть по сторонам было некогда. Мы с матерью поставили шести чума. Потом натянули брезентовые покрышки-нюки. Я уже собралась зайти в чум, чтоб застелить постели. Неожиданно мой взгляд упал на озеро, стоящее позади нашего чума. Над озером, в сторону чумов молча летела большая стая крачек. Когда птицы подлетели к перекладине, они стали призывно звать товарища. Крачки кружили над чумами, все кричали и кричали. Сперва мне показалось, что раненая птица взлетит как ни в чем не бывало на призывные крики товарищей. Но чудеса бывают очень редко. Птица вертелась на земле и жалобно пищала в ответ на зов стаи.

А крачки пролетали низко над перекладиной. Они не обращали внимания на людей и беснующихся на цепях собак.

И тут я поняла диалог птиц. Это было похоже на то, как толпа людей кричит и дает советы утопающему в весенних льдах и воде человеку. Люди хотят спасти его, но, к сожалению, это невозможно. Разломанный лед, холодная бурлящая вода и — человек гибнет.

Так и сейчас. Крачки советовали, подбадривали, звали, а некоторые, похоже, уже плакали. Птицы кружили над нами уже довольно долго. Но силы и жизнь покидали убитую крачку. И когда она поникла головой, птицы еще сильнее заметались, мелькание белых крыльев стало резче. На их кри-

ки собралась толпа людей. Мать мальчика-хулигана трясла его за шиворот и громко ругала. Наконец птицы поднялись высоко в воздух и медленно полетели к озеру. Теперь они не только кричали, они плакали. Это не было звуковой галлюцинацией, не было детским воображением. Это был настоящий плач. Плач птиц, навсегда потерявших своего товарища. Их плач больно отозвался в моем сердце. На глаза навернулись слезы. Их плач передался природе. Закат окрасил багряным цветом низкие облака, красными каплями засверкал на мелких волнах озера. Розовый лес вокруг озера не приукрашивал жизненными красками картину смерти, он только дополнял ее. Плачущие птицы, красный закат, красные волны и облака, молчащая толпа людей.

Вот так я впервые услышала явственно, как плачут птицы, о чем они плачут. Мальчик убил красивую птицу. Он не был голоден, крачка не нужна была ему на ужин, она не крала у него сушеную юколу, которую берегут на черный день. Но он ее убил. Он убил, не задумываясь, частицу природы. Еще он не знал, что и сам является такой же частицей природы.

Месть Черного озера

«Парисе» в переводе с ненецкого «черный». В тундре есть Парисе-то. Это значит Черное озеро. Черным, наверное, названо оно потому, что слишком на вид вода черна в озере, так оно глубоко. Черное озеро священо. Как любое тундровое озеро, оно рыбное.

Но ловить рыбу в нем положено в определенное время. Весной, когда оттаает лед, можно ставить на Черном озере сети. И будет ловиться обычная жирная озерная рыба. А по ледоставу старые ненцы запрещают на этом озере лов рыбы. Не положено ни рубить топором, ни колоть острой пешней тонкий лед священного озера. Говорят, когда-то давно на Чер-

ном озере потонул целый аргиш, который посмел наступить на лед. Ни жердочки тогда не всплыло, ни кусочка шкуры.

Атеизм, пришедший в тундру вместе с коммунизмом, затуманил мозги молодежи относительно всяких верований. И когда старые люди говорили молодым: «Хивы. Так нельзя делать», — молодежь в ответ смеялась: «Бабушкины сказки все это». Но духи не дремлют. Всевидящие духи вездесущи.

I.

Однажды бригада рыбаков контрольного лова вела промысел рыбы на озерах. В районе тех озер было и Парисе-то. Двое молодых ребят из бригады, Салиндер Алексей и Вануйто Михаил, решили ставить сети на Черном озере. Бригадир Ядне Вако любил первенствовать. И нужно было выполнить план, нужна была рыба в большом количестве. Отец Михаила, старый Хунси, отговаривал ребят от затеи ставить сети на Черном озере. Нельзя, мол, колоть тонкую кожу священного озера, лед недавно замерз, не положено в нем рыбу ловить по льду. Большой грех. Беды потом не миновать. Но ребята в ответ только рассмеялись. Взяли сети и пошли на озеро.

...Тонко взвизгивал под острой пешней, словно от боли, лед священного озера. Железный предмет вгрызался в хрупкий покров Парисе-то. Недавно замерзшие тундровые озера и реки щедро делятся с человеком жирной белой озерной рыбой. Наверно, и на Черном озере рыбаки славно порыбачили.

С тех пор прошло несколько лет. В те времена я жила на рыбоугодье Халмер-Яха. Был среди рыбаков парень двадцати лет. Ядне Енко его звали. Был он обычным человеком, ничем не выделялся из остальных. Однажды со своим товарищем Вэнго Сашей он поехал в поселок Антипаюта на собачьей упряжке. До поселка надо ехать через губу наискосок. Это почти пятьдесят километров. На той стороне губы, где

поселок, тоже стояли чумы рыбаков. Это бухта двух чумов. Это было двадцать лет назад, сейчас я не помню, сколько дней Саши и Енко не было дома в Халмер-Яхе. Только помню, — в те февральские дни сильно пуржило. Свидетелей трагедии, произошедшей в те дни, почти не было. По тем временам это была жуткая история. И хоть мела поземка, но зимой наследенное на снегу можно читать как по книге. Так вот, мела поземка. Енко и Саша выехали на собачьей упряжке из Антипаюты домой, в Халмер-Яху. Уже проехали по губе 10 километров. Впереди, за белесой дымкой снега, появились чумы рыбаков бухты. А поодаль друг от друга стояло три чума. Проехали мимо. Жилища быстро скрылись за белой занавесью пурги. А дальше...

II.

Позже Саша был найден возле собачьей нарты сидящим на снегу. На его спине врачи потом насчитали одиннадцать ножевых ран. Саша найден был живым (умер в самолете санавиации). Примерно в двухстах метрах от раненого стояли сети рыбаков. Труп Салиндер Алексея лежал навзничь. Он получил удар пешней прямо в сердце. Вануйто Михаил лежал возле майны с огромной дырой между лопаток. Удар пешни настиг, видимо, его сзади, когда он склонился над сетью с рыбой.

Остальное уже происходило при свидетелях. Женщины из недалеко стоящего чума ничего, конечно, не знали. И когда в дверном проеме показалась окровавленная пешня, они завопили. Вслед за этим острым предметом появилось лицо парня с широко открытыми глазами. Оглядывая вопивших женщин, он заметил бригадира — Ядне Вако. Вызвал его на улицу Позже, как рассказывали женщины, выяснилось: Енко навязывал ссору бригадиру. Попытки убийцы спровоцировать ссору оказались безуспешны. Вако повернулся к чуму, чтобы зайти в жилище. Удар пешней пришелся ему по левой

почке. Удар смягчило то, что Вако упал со снежного наноса — сугроба на чум. Превозмогая боль, он заполз внутрь жилья, затем потерял сознание. А Енко зашел в чум и, угрожая своим орудием, велел никому не выходить на улицу. В чуме кроме раненого было три женщины и ребенок трех лет. Сперва у пленниц теплилась надежда, что скоро подойдут их мужья. Но, когда начало темнеть, стало ясно: рыбаки мертвы. Старая женщина, мать Михаила, втихомолку плакала. Раненый Вако временами приходил в себя, а потом снова терял сознание.

А убийцу тем временем начало клонить ко сну. Когда он заснул, женщины быстро выскочили из чума и побежали к стоящим поодаль чумам. Темнота быстро их скрыла. Когда убийца очнулся, в чуме кроме Вако никого не было. Неожиданно раненый застонал, Енко бросился к нему, стал руками его душить. Завязалась борьба. Силы стали покидать Вако. И он притворился мертвым. Убийца заметил, что жертва затихла, и оставил его в покое. Потом вскочил на ноги и заметался по чуму. Сквозь прикрытые веки Вако увидел, что Енко нашел веревку и приготовился к худшему. Убийца встал на табурет и привязал один конец веревки к крепкому месту чума. Затем, сделав удавку, накинул ее себе на шею. Отбросил табурет ногой и захрипел в петле. Когда Енко стал затихать, бригадир с трудом встал на ноги и своим складным ножом перерезал удавку убийцы. Тот упал на пол. Затем Вако вышел из чума и как мог добрался до соседей. Когда Енко пришел в себя, в чуме было пусто. Тогда он начал раскидывать постели. К своему удовольствию, нашел ружье-двустволку и две пачки патронов. Вы думаете, он собрался себя прикончить? Нет. Убийца залез под большой стол, направил стволы ружья на вход в чум и разложил возле себя патроны. Видимо, жажда крови все еще бурлила в нем. Но сон крепко сковал его до утра. Да так крепко, что он не сразу услышал рык трактора. Когда участковый милиционер и один смельчак зашли в чум,

Енко, целясь, замешкался. Зашедшие воспользовались этой заминкой. Убийца был схвачен. Ему скрутили назад руки, привязали ноги и погрузили на тракторные сани, где лежали два замерзших трупа и раненый Саша.

III.

Енко не было в наших краях всего каких-то шесть лет. Говорят, два года он лечился в психбольнице. А остальные годы прожил у родни в Новом Порту. В Халмер-Яхе он объявился в середине августа. За неделю обошел чумы всех знакомых. Погостил, поболтал с рыбаками. Все эти дни Енко до самого отъезда жил у своей тети Едэйне как когда-то много лет назад. Когда он пришел к нам в гости, я вглядывалась в его лицо, надеясь найти печать пережитых лет. Но лицо убийцы было безмятежным, будто все произошедшее было не с ним. Разговаривал с моим мужем, а вид у Енко был такой, будто никуда из этих краев не отлучался. Через несколько дней он уехал в поселок Антипаюта, чтоб оттуда на теплоходе «Механик Калашников» вернуться домой, в Новый Порт. Но судьба подвела его к последней жизненной черте.

IV.

В те годы теплоход бросал якорь в устье реки Паюта, которое было мелким. Пассажиров в Антипаюту везли по речке на ботах в любую погоду: и в дождь, и ветер. В ту осень, в сентябре, людей потрясло еще одно трагическое событие.

В штормовую погоду, когда боты с пассажирами подплыли к «Механику Калашникову», один из них опрокинулся. На этом боте был груз пассажиров и семеро мужчин. Пока принимали спасательные меры, шесть человек утонуло. Один доплыл до теплохода сам. Все знают: осенняя ледяная вода — это смерть. Люди утонули на глазах у других пассажиров. Среди утопших был и Ядне Енко. Да, тот самый убийца.

Но на этом история не закончилась.

В те времена на рыбогодья дрова летом не завозили. Рыбаки Халмер-Яхи сами их заготавливали: складывали плавник, ловили топляк, то есть плавающие по волнам бревна во время приливов (вода осенняя и весенняя приносит много плавника).

Однажды вечером рыбаки-дровосеки нашли труп в десяти километрах вверх по течению от Халмер-Яхи. Дело было в начале октября. Уже холодало, но крикливых чаек осень еще не погнала в дальние страны. И потому лицо трупа отсутствовало по вине чаек. Известили поселковое начальство, которое велело перевезти труп в Халмер-Яху. При осмотре Едэйне признала в нем своего племянника Енко. Кроме синих спортивных штанов на нем ничего не было. Тетя признала его по цветным тесемкам, которые она сама пришивала к этим синим штанам для лодыжек. Но начальству нужны были более весомые доказательства: Енко это или нет. Оpoznанием занялись эксперты из райцентра. Напрасно ждала родственница Едэйне ответа от властей. Лед на губе начал подмерзать, и некому было разрешить сомнения старой женщины.

Труп, завернутый в брезент, лежал на нартах поодаль от чумов, в ложбине, подальше от глаз. Приближались холода. Лед на губе ломали шторма. Рыбаки терпеливо ждали ледостава. На айбат (мороженая рыба. — прим. автора) у них имелась рыба, запасенная ранее. Сушеной рыбы для собак тоже хватало.

Однажды соседи Едэйне заметили на мордах своих собак грязно-красные пятна. Собаки куда-то исчезали, а потом приходили с такими мордами. Вскоре выяснилось: собаки ели труп. Затем его остатки они вообще стянули на землю, на снег. Старая Едэйне погоревала, но останки хоронить не стала.

У нас, у ненцев, про смерть плохого человека говорят: подох, как собака. В данном случае дело было хуже. Даже после смерти он не обрел покоя. Ибо только душа захороненного покойна.

И все видят души

В те недалекие годы, когда буровики дырявили северную тундру, везде шныряли вездеходы. Небольшой «газон» мчался по весенней тундре. Трое молодых ребят-буровиков, Сергей Вавилов, Андрей Сумин, Петр Белолобский, решили поохотиться на перелетную дичь: гусей, уток. Птицы с радостным «кльканьем» возвращались в родные места, на север. История сия умалчивает, славно поохотились они или нет. Но, рыская по проталинам, на вершине небольшой возвышенности увидели торчащий колышек. К колышку были привязаны разные железные побрякушки. Ребята решили остановиться и осмотреть это диковинное для них место. Вылезли из вездехода и, разминая ноги, подошли к святилищу. Весь кол был увешан побелевшими от солнца, некогда цветными тряпочками. Тут же висели ажурные подвески для кос, колечки. Ребята срывали латунные подвески на сувениры, отбрасывая болотными сапогами замшелые олени черепа и рога. Внимание Сережи привлекло колечко, серебряное. Оно висело на полуистлевшем кожаном шнурке. При порыве ветра колечко билось о медный колокольчик, висящий рядом, и раздавался мелодичный звон. Сережа без труда оборвал шнурок от колышка, снял кольцо. Парень начал примерять кольцо на пальцы, но ни на один оно не налезало. Тогда Сережа сунул его в карман. Решил побродить вокруг холма, может, что интересное еще найдется. Оглянувшись через плечо, заметил: ребята о чем-то между собой спорили. Вдруг услышал рык вездехода. Вавилов вздрогнул. Зеленая машина крушила святилище. Сережа

оторопело смотрел на них. Он понимал, что этого нельзя делать, но было уже поздно. Хрустели под гусеницами олени черепа, с сухим треском крошились священные нарты. Когда предмет поклонения аборигенов сравнялся с землей, вездеход рванул дальше по весенней тундре.

...Существуют какие-то неведомые, потусторонние силы, которые слагают обстоятельства так, как им выгодно. И тогда происходит необъяснимое.

Те трое ребят, порушившие святилище, опять оказались в одном вездеходе. А дело было уже поздней осенью, когда начал падать снег и глубокие тундровые озера покрылись некрепким льдом. Скорее всего это время можно назвать началом зимы. Хотя потом может полить дождь, и снег растает, и лед на озерах станет опасно дырявым. А как раз в эту пору в тундре бывает очень много куропаток.

Двое мужиков пошли пострелять дичь и пропали. На утро третьего дня все кинулись их искать. Три резвых «газона» помчались в тундру на поиски. Вездеходы ушли в разные стороны.

Трое наших «хулиганов» оказались в одной машине. С утра небо было пасмурно, а к полудню пошел снег, да такой густой, пушистыми хлопьями. Видимость сократилась хуже некуда. А все поисковики должны были доехать до речки Харальянг, которая опоясывала местонахождение буровой в радиусе десяти километров. Доехав до речки, нужно проехать налево несколько километров и вернуться к буровой. Это на карте написано — речка Харальянг. А на самом деле в тундре масса речек и протоков, которых нет на карте. Так что, не зная места, никакой речки Харальянг не найти. В такую погоду, когда небо сливается с землей, в молочной каше из снега, конечно, никаких ориентиров не разглядеть. И потому впереди вездехода образовалась густая пелена снега, которая обволакивала передние стекла. «Дворники» маши-

ны не справлялись со снежным месивом. В такую погоду не мудрено и заблудиться. Но ребята пока об этом не думали. Было еще светло.

Изрядно помучившись, поисковики решили: так как из кабины ничего не видно, один сядет наверх за кабину. Может, что и увидит. Наверх полез Сережа Вавилов. Застегнул пуговицы полушубка, надвинул на глаза меховую шапку. Сел поперек направления ветра и начал вглядываться в пробегающие мимо кусты и кочки. Проехали достаточно, когда Сережа начал мерзнуть. Но терпел.

Неожиданно Вавилов почувствовал толчок. Он успел заметить, что вездеход какие-то секунды летит по воздуху. Затем машина наклонилась вниз. Сережа по инерции полетел вперед, упал на спину, на лед и несколько метров прокатился на спине. Там, сзади, где должен быть вездеход, колыхала волнами огромная полынья, только торчали медленно исчезающие под водой задние части гусениц и кузова вездехода. Волны начали размывать лед обрывистого озера, с крутого яра которого они полетели. Парня охватил ужас, у него не было сил встать на ноги, и он начал боком отползать к ближайшему берегу. Лед под ним уже начал трещать. Он едва успел ухватиться за висящие ветки ивняка. Поднявшись на берег, оглянулся. Огромная полынья шевелилась, будто какое-то чудовище, уминающее свою добычу. Схватившись за голову, Сережа побежал куда глаза глядят. Вавилов даже не заметил, что на нем нет шапки. Наверное, упала при падении. Страх, обуявший Сергея, гнал его навстречу смерти, в тундру. Ноги были как ватные, сил не было. Если бы он услышал сзади, с этого ужасного озера, хоть шум, он бы вернулся назад. Помочь товарищам. Жуткая тишина с озера и беснующийся вокруг него снег, казалось, лишили парня рассудка. Он падал и снова бежал, падал и бежал. Бежал, пока его не заглохла снежная карусель.

Я не буду описывать муки и страдания заблудившегося в снежной тундре. Все это можно вообразить. Вообще-то, тундра ко всем по-разному относится. Кому — мачеха, а кому — мать родная.

Через несколько дней в районную больницу на вертолете был доставлен Сергей Вавилов. Врач Якимов, хирург от бога, откусывал мерзлые пальцы-деревяшки пострадавшего сияющими никелированными инструментами. От хруста костей пальцев молоденькая медсестра, помогающая хирургу, страдальчески морщилась и отворачивалась.

А мученик вопил: «Будь ты проклят, Север! Зачем я сюда приехал? У меня на земле, в деревне, свой дом, сад, огород. На кой черт мне все это нужно было! Будь ты проклят, Север!». А Якимов, позвякивая своими железяками, говорил: «Север, мой родной, тут ни при чем. Он тебя не звал. Зачем ты приехал, если у тебя есть дом, сад-огород? А затем, мой дружок, что тебе много денежек захотелось. За длинным рублем примчался, за денежками. А теперь Север винишь. Север ни при чем».

Позже Вавилов уехал на землю, в свой дом, где у него сад-огород. И, наверняка, вряд ли вспомнил о том серебряном колечке со святилища, которое он примерял на пальцы...

В тундре есть еще священные места. Порой духи напоминают о себе. На какие-то секунды перед вами возникнет мужчина в белом гусе, на белых оленях или пешком. Духи могут возникнуть в образе какой-нибудь женщины или старухи. Порой мелькнут перед вами обычным тундровым зверем. И любому, кто вступит впервые на неприветливую, полную тайн тундру, прежде, чем навредить, неплохо бы задуматься. Порой расплата приходит не сразу, она настигает через годы, потому что следят за нами неусыпные глаза духов земли, которые все видят.

Собачий остров

Старый Пудако хоронил свою собаку. Такую же старую, как он сам, черную с седой мордой. Хоронил на Собачьем острове. Это была небольшая поляна, окруженная со всех сторон ольхой и низким кустарником. Здесь хоронили собак с ближнего рыбацкого стана. И покоились здесь собаки всех мастей и размеров, верные друзья человека...

Собаку Пудако звали Алто. Он был когда-то черный-черный. Однажды, приехав в поселок за хлебом, увидел Пудако возле дверей дома дочери Оксаны черного щенка. Щенок подошел было к привязанной нарте, но, испугавшись оленей, отбежал в сторону.

Отоварился Пудако. Оксана помогла упаковать нарты. Дело было к вечеру. Ветер стал подвывать в проводах. Надо было торопиться. Но разве без горячего чаю можно обойтись перед дорогой? Никак. Старик зашел к дочери, попил чаю. Внуки крутились рядом, отвлекая разговорами. Да и телевизор после чая со стопкой водки — тоже интересная штука.

Когда вышел Пудако на улицу, начинало пуржить. Вдоль улицы тянулись длинные хвосты снега начинающейся метели. Глядя по сторонам, старик дернул с нарт свой теплый белый гусь. На снег с визгом упал какой-то черный комок. Это был тот самый щенок, который жался возле Оксаниной двери. «Видно, судьба свела нас», — решил старик. Завернул щенка обратно в гусь, положил на нарты. Вышедшая провожать отца Оксана запротестовала. Но старик молча обнял дочь, поцеловал. Отвязал упряжку, и застоявшиеся олени рванули по безлюдной, слабо освещенной улице навстречу колючему ветру.

Через один олений бег старик остановил упряжку. Он основательно продрог. Щенок тоже трясся от холода. Тогда Пудако стряхнул с малицы снег, вытащил осторожно щен-

ка, надел гусь. Затем отвязал пояс, сунул под подол щенка, затащил внутрь малицы. Завязал пояс потуже. Щенок заворочался за пазухой, устраиваясь поудобней, потом притих, все еще дрожа всем телом.

Старик вытащил из кармана табакерку, костяной ложечкой ковырнул немного табаку, положил за щеку. Тьма вокруг стала плотней. Снежная карусель усиливала свой бег. Немудрено было заблудиться. Но Пудако решил ехать дальше. Сделав глоток водки из початой бутылки, отвязал упряжку. Передовой олень был опытным, и старик не сомневался: они выедут к чуму. Проехали немного, снег стал плотной стеной загоразивать путь. Снежные хлопья били по оленьим глазам. Бег их замедлился. Скоро они пошли шагом. Тогда Пудако решил остановиться, переждать пургу. Привязал крепче оленей к нарте. Лег с подветренной стороны и уснул чутким сном тундровика. Это была одна из первых ночей, проведенная Алто в снежной пустыне.

Старуха Пудако, Яльне, была не в восторге от щенка. Дворняги — плохие помощники в тундре: загрызают порой маленьких оленят, да и пищи много нужно. Только пятилетний внук Коля вертелся возле щенка, сюсюкал с ним, просил поиграть. «Ничего, мой Алтошка заменит десятерых лаек», — приговаривал Пудако, гладил щенка по спине. Маленькая лохматая сучка Пуроне из-за спины хозяина молча кусала щенка. Алто обиженно взвизгивал. С той стороны чума, возле постели молодых хозяев, был привязан Серно. Широко расставив сильные лапы, негромко рычал, почуяв незнакомый дух.

Жизнь на новом месте у Алто была несладкой. Соседские собаки всей сворой бросались на него. Выручала молодая хозяйка, сноха Пудако — Полина. Алто отдыхал от побоев и укусов только тогда, когда ездил со старым хозяином. Едет хозяин на нарте, Алто рядом сидит. Смотрит вперед, навос-

трив уши. Пудако учил щенка гонять оленей. Привяжет на веревку подлинней. Аррь! Щенок побежит вслед за Серно. Но стоило последнему оленю повернуться мордой к нему, Алто забивался под нарты хозяина. Попадало здорово щенку от оленей. Стоит поднять ногу у кучки, как оленьи рога или копыта бьют по заду.

Пудако жалел щенка, но хотел, чтоб из него вырос сильный, умный, выносливый помощник. И Алто стал таким. К весне он длинным махом гонялся за куропатками. Летом уже таскал хозяину ослабевших от долгого пути телят. К осени длинные ноги щенка окрепли, и даже самый строптивый бык побаивался Алтока.

В теплые осенние ночи молодой хозяин Василий часто брал его с собой. Олени тревожно крутились вокруг них. Однажды в дождливую ночь все стадо рванулось к чуму. Рванулась и нарта сторожевая. Алто растерянно топтался в темноте. Вдруг рядом увидел горящие глаза, и большая тень метнулась к нему. Наученный горьким опытом, искусанный собаками, он первым укусил противника. Волк недоуменно отпрянул. Бросившись на большую собаку, волк в темноте принял его за олененка. Алто тоже стоял: запах укушенной им собаки был совершенно другой. Та собака услышала голос хозяина: «Алто, Алто, иди сюда».

Алто, перепрыгивая кусты, побежал к хозяину. Василий его поругал: «Ты куда делся? Съели бы тебя волки. Кто оленей сторожить будет?»

Это была первая встреча Алто с волком. В последующие годы Алто заранее поднимал лай, учуяв запах серого разбойника. Иногда кидался в драку.

Пудако очень дорожил псом. Научил его будить Колю. Как только в чуме становилось тепло, старик говорил собаке: «Иди, буди Колю». Алто сразу прыгал на ноги и шел на другую половину чума будить своего любимца. Серно ворчал, подняв

голову. Но Алто не обращал на него внимания. Лизнув в щеку, мимоходом, сидящую на коленях у матери Аленку, которая весело гулила, собака подползала к Колиной подушке. Убрал носом воротник ягушки, совал морду под Колину шею. Мальчик тут же просыпался, но делал вид, что спит. Алто мордой приподнимал Колю. Неожиданно мальчик кидался на собаку, подминая ее под себя. Начинаясь веселая возня...

Это случилось в холодную, снежную зиму. Бураны за буранами измучили оленей и людей. В такие холодные дни дрова «тают» быстро. Василий уехал искать отбившихся в буран оленей. Пудако надо было искать дрова. За семь километров находилась тундровая речка Неро-Яха. Она оправдывала свое название. Берег ее густо порос кустарником. Но в буран найти эту речку трудновато. Пудако наметил ориентиры-сугробы и поехал. На ветер ориентироваться нельзя. Ветер может изменить направление в любую минуту. Кустарник нашел сразу. Пока копал, рубил, таскал, начало темнеть. Зимний день короток. Снег ледяной корочкой покрывал лицо. Глаза слезились и ничего не видели. Уже в темноте отъехал. Буран бил с такой силой — руки протянутой не видно. Пудако казалось, что едет целую вечность. Понял: заплутал. Чтоб не мучить оленей, решил переночевать в тундре. Привязал оленей на двойную вожжу к нарте. Лег калачиком возле. Если бы Алто был рядом с ним, старику было бы спокойнее. Как они, нашли ли оленей? За думами незаметно уснул.

Проснулся оттого, что затекла рука. Попробовал подняться. Но смерзшийся за ночь наст держал крепко, снег давил тяжелой глыбой. Страха за жизнь не было. Старик думал, как выбраться из снежного плена. Пока пытался вытащить руки, силы оставили его. Густой и теплый гусь стал для старика вроде мешка. Так прошло довольно много времени.

Вдруг почувствовал, что нарты за спиной скрипнули, олены на ноги вскочили. Пудако слышал: на нем, на сугробе,

топтался кто-то легкий. И тут услышал песню-вой своего пса. Это старый ненец научил свою собаку петь.

И сейчас Алто пел. Иногда начинал работать лапами. Временами требовательно лаял, звал кого-то. Скоро подъехал Василий. Старик и нарты с топливом были вытащены из-под снега.

А еще Алто наловчился доставать подстреленных уток из воды. Не хуже охотничьей собаки бросался в воду, ловил утку за шею и тащил хозяину Василию. Потом аппетитно хрустел крылышками и лапками уток, полученными в награду за хорошую охоту. Если кто-нибудь долго отсутствовал в чуме, собака становилась беспокойной. Алто, а за ним Пуроне часто выходили на улицу. Их ругали за оставленные открыто двери. Но стоило собакам пулей вылететь на улицу, все знали: едет тот, кого ждали.

Даже голодный Алто не позволял себе таскать оленья мясо, разложенное на нарте для заморозки. Летом он мог часами сторожить больного оленя. Лежал неподалеку, положив морду на лапы. Стоило какому-нибудь песику приблизиться к больному животному и нюхнуть оленя, грозный рык заставлял его отпрыгнуть. Если олень поправлялся или умирал, Алто находил другого подшефного. Часто это были свои, ручные олени. Заболевшие. Иногда ухаживал за телятами, жившими в чуме. Лизал больные копытца. С тревогой и нежностью в глазах следил за теленком. Но самым любимым существом для Алто была Аленка. Она ползала на собаке, кусала ему уши, завязывала на голову собаке платок. Алто мужественно терпел все это. В зимние дни девочка часто спала на улице в теплой люльке. Стоило девочке проснуться и заплакать, пес хватал зубами люльку и тащил в чум. За это получал от Полины в награду жирную мороженую голову озерной рыбы. Это было самое любимое лакомство Алто.

Прошло пятнадцать лет, у Алто часто болели ноги. Он лежал, вытянув конечности, и взвизгивал, когда хозяйева ненароком задевали их. Вставал кряхтя, с трудом выходил на улицу. Опять, как в детстве, получал тычки рогов, когда не успевал отойти вовремя.

Пришел день, Алто незаметно исчез. Хозяйева целый день рыскали по весенней тундре. Снег начал таять. Сплошные проталины затрудняли поиски. Алто нашли на второй день. Он лежал за небольшим кустом. Посмотрел виновато потускневшими глазами на хозяйев, будто говорил: «Вы уж извините. Устал я. Нет сил больше служить вам».

Пудако положил своего верного друга на нарты, повез к чуму. К утру Алто тихо умер. Через два дня старики должны были остаться в отдельном чуме в рыбацком становище. Дальние кочевья стали для них тяжелы. Перекаслав к рыбакам, Пудако вез своего мертвого друга с собой. После того, как был поставлен старикам чум, сын Василий уехал с оленями, Пудако положил труп собаки на нарточки и потащил по земле. Безжизненный Алто был тяжел. Тащил на собачье кладбище, Собачий остров.

Похоронив собаку, Пудако с низко опущенной головой пошел к своему чуму. Там, на Собачьем острове, оставил как будто половину своей души. И вокруг старика появилась пустота. В чум заходить не хотелось. Присел на нарту, сунул лицо в ворот малицы...

Суд

В теплый сентябрьский вечер рыбоугодье гуляло. Сегодня привезли хлеб и водку. В чумах, стоящих кучками вдоль левого и правого берегов реки, слышались пьяные голоса, крики, захлебывались лаем собаки. В устье протоки, которая отходила от большой реки, стояло несколько чумов поодаль

друг от друга. Протока была неширокой, но глубокой. Переправлялись через нее на лодках.

Уже начинало темнеть, когда двое встретились на переправе. Он переплыл протоку, чтобы идти в магазин в рыбацком селенье, хотелось еще выпить. А она наоборот шла оттуда, в надежде переправиться к чумам за протоку, и стояла, ждала приближающуюся лодку. Лодка мягко ткнулась носом в невысокий берег. Мужчина вышел из лодки, бросил якорь на берег и тут увидел женщину, стоящую неподалеку. Подошел к ней. Посмотрел ей в лицо и вздрогнул. То ли от выпитого, то ли от волнения, вдруг ему стало очень жарко.

Вот так же, двадцать лет назад, они встретились на этом берегу. Но только тогда был осенний день, а сейчас вечер. Так же смотрели на него удивленно черные бездонные глаза, тонкие брови поднялись, а в углах полноватых губ таилась усмешка.

Да, это была она, Ольга. Его единственная, неповторимая и горькая любовь. В надвигающихся сумерках морщин на ее лице не было видно, и Ольга казалась прекрасно молодой. Все эти годы Якки любил ее. Любил и ненавидел. Виделись они часто, и выбросить из головы и сердца любимую женщину Якки был не в состоянии. Душевные муки, ревность озлобили его за прошедшие годы. Она была виновата во всех бедах, так считал Якки. Только она.

Но сейчас Ольга стояла перед ним и ждала чего-то. Хмель, качавший его, моментально испарился. Хриплым от волнения голосом Якки произнес: «Тебе на тот берег, наверно, надо».

«Да, иду к бабке Минте», — сухо сказала она.

«А-а, — догадался он, — ты, наверно, за выделку шкур собираешься платить. Водкой, наверно. Дай мне выпить».

«Нет у меня ничего», — сказала женщина.

Но по тому, как ее рука машинально дернулась к пазухе, Якки понял, у нее есть бутылка. Тем более, что Ольга была слегка выпившая. А бабушка Минте большая мастерица по выделке шкур, особенно очень тонких. Вся округа несла ей шкуры на выделку. Старая женщина жила одна и зарабатывала себе на жизнь железным скребком.

Подняв якорь, Якки придержал лодку за борт. Ольга легко залезла в лодку и села на сиденье, на корме. Якки тоже сел в лодку, оттолкнулся от берега веслом, но грести не торопился. Он глядел на женщину на корме. В душе его бушевала буря. Противоречивые чувства накатывали друг на друга, как огромные волны на море. Сперва почувствовал приступ нежности и любви. Его лихорадило, сердце металось и колотилось в груди. Якки хотел сказать много чего, но у него пересохло во рту, язык не повиновался. Очень хотелось пить. Время от времени он подгребал, стараясь оттянуть время. Испытывал торжество, что в какой-то отрезок времени Ольга, наконец, в его власти. Но потом подумал, что вот скоро опять они разойдутся в разные стороны. Ольгу ждут муж, дети. Горько было сознавать то, что она никогда не будет рядом с ним, что она связана с другим до конца жизни. В душе у Якки опять закопошилась обида, бередя и царапая израненные, незаживающие раны сердца. Почувствовав подступающую злость, постарался отвлечься, начал неторопливо грести. Оглядевшись, заметил, что течение протоки отнесло их довольно далеко от чумов. Обратно грести он не стал. До берега оставалось метра два. Якки поднял весла.

«Давай, греби к берегу», — сказала Ольга. Grimаса недовольства пробежала по ее лицу. Якки сидел и молчал. Тогда она встала, сделала два шага к нему. Бросив весла, он тоже встал. Ольга стояла перед ним на расстоянии вытянутой руки. Вдруг Якки мучительно захотелось обнять ее сильно-сильно, так, чтобы косточки у нее хрустнули. Повинуясь

желанию, подался вперед. Ольга инстинктивно оттолкнула мужчину, протягивающего к ней руки. Пошатнувшись, Якки упал навзничь, стукнулся головой о поперечные доски лодки. Застонав от боли, медленно встал. Неожиданно он размахнулся и ударил ее по лицу. Женщина без вскрика осела на дно лодки, но сразу же встала и вцепилась ему в ворот малицы двумя руками. Якки попытался отцепить от себя ее пальцы, отталкивал Ольгу от себя, но все было напрасно. Лодка меж тем уже угрожающе качалась с борта на борт. Теряя равновесие, он опять ударил женщину по лицу, но уже сильнее, чем прежде. Ольга отлетела к борту. Лодка тут же сильно наклонилась, и женщина оказалась за бортом. Она не кричала, не захлебывалась, лишь беззвучно хватала ртом воздух. Летняя ягушка из теплого сукна намокла и тянула под воду. Какой-то миг Якки оторопело смотрел на утопающую. Потом схватил весло и ударил Ольгу по голове. В нем заклокотала ярость, желание уничтожить ее во что бы то ни стало. Женщина скрылась под водой. Когда ее голова опять показалась, он с силой опустил на нее весло, отчего лопасть весла сломалась. Но он молотил по Ольгиной голове, по воде, уже не соображая, что делает. Якки вложил в эти удары все свои накопленные за предыдущие годы злобу, обиды, ненависть. Бил по воде обломком весла, приговаривая: «Ти, ти, ти. Тарэм тара». (Вот, вот, вот так надо!). Он не заметил даже, когда женщина исчезла под водой.

Придя в себя, Якки бросил обломок весла в лодку. Опустился на сиденье. Он был мокрый от пота. В ушах шумела прилившая к голове кровь, громко стучало сердце. Окончательно протрезвев, осмотрелся вокруг. Уже начинало темнеть. На фиолетовом небе высыпали звезды. Ветер шумел в верхушках старых высоких талов. Чумов невозможно было разглядеть. Только по лаю собак можно было определить, что становище далеко осталось за поворотом.

Взял кормовое весло, медленно погреб обратно. Силы покинули его. Руки и ноги ныли, стали вялыми, как после тяжелой работы. В голове еще слегка шумело. Скачущее сердце понемногу успокоилось. Он был уже совершенно спокоен, когда подплыл к своему чуму. Лодка ткнулась о берег, Якки встал, чтобы кинуть якорь, и тут обо что-то запнулся. Это была непочатая бутылка водки. Он поднял ее. Бросил якорь одной рукой, сел на сиденье, сдирая зубами жестяную крышечку, торопливо открыл бутылку. Якки сперва казалось, что будет пить и пить из горлышка до самого дна. Он сделал только два глотка, больше пить не мог. Отставил бутылку в сторону. Якки сидел, уставившись взглядом в воду. В голове роились какие-то путанные мысли. На душе было пусто и темно. Никаких чувств. Затем опять посмотрел на еще полную бутылку, поднял и бросил в воду. Потом поднялся, слез с лодки, пошел к себе в чум. Зайдя в чум, зажег лампу. Керосина было чуть-чуть. Лампа тускло осветила чум. Сильно пахло водочным перегаром. Возле небольшого столика, тяжело дыша, спала на полу полноватая женщина. В другое время Якки бы пнул жену и заставил варить чай. Но он молча и тихо прошел мимо нее и пошарил рукой за столиком. Нашел мисочку, прикрытую газетой. Сел на пол, достал нож, поставив мисочку на колени, принялся есть соленую ряпушку. Рыба показалась ему безвкусной, но он продолжал есть. Съев всю ряпушку, зачерпнул полный ковш воды из бачка, с жадностью выпил. Лампу не стал тушить, сама потухнет, керосин на исходе. Не раздеваясь, лег на неразобранную постель. Закрыв глаза, в голове опять завертелись какие-то обрывки мыслей. Но случившееся в лодке казалось Якки дурным сном, и особо его ничего пока не беспокоило. Так, слушая шум ветра и лай собак, он незаметно для себя уснул.

Утром Якки проснулся от звона чашек. Жена пила чай, шумно прихлебывая из блюдца. Это Якки всегда раздража-

ло. Приподнялся на локте, попросил пить. Голова болела не сильно, но к горлу подкатил комок тошноты, чего раньше с ним не было. Жена, не вставая, подала ему ковш прохладной воды. Якки мигом осушил его. Есть пока не хотелось, и он решил полежать. Он почти засыпал, когда в чум заглянула соседская девушка: «Вы не видели маму Саване? Ее родные ищут. Вчера она, говорят, пошла в эту сторону. Но на этом берегу ее нигде нет. И в других местах ее тоже не нашли. Уж не утонула ли она?»

«Нет, мы ее не видели», — удивленно сказала жена Якки Татьяна. «Якки, — обратилась она к мужу, — ты вчера долго слонялся по чумам? А то я ничего не помню».

«Я тоже ничего не помню», — нехотя ответил Якки. И тут он все вспомнил. Все до мельчайших подробностей. Сперва он покрылся потом. Потом новый приступ тошноты бросил его к порогу чума. Мучительно рыгая, Якки не понимал, что с ним. Жена что-то ворчала, дескать, упьется этой водки, потом чуть не умирает. Еле отдышавшись, Якки пополз к постели. С головой завернулся в спальную ягушку и стал снова вспоминать. Страха от содеянного не было. Но в душе его стали копошиться неясные боли — то острее, то притуплялись.

Двадцать лет назад на этой же переправе он встретил девушку, совершенно незнакомую. Ей надо было переправиться к чумам. Поглядел в ее бездонные черные глаза, и затрепетало сердце. Отчего-то вспотели ладони, хриплым стал голос.

«Как зовут тебя?» — спросил он.

«Оля», — улыбаясь, сказала она тогда.

«А меня Яша», — хрипло сказал, не решаясь протянуть мокрую от пота ладонь. Они разговорились. Оля приехала к тете навсегда. В прошлом году умерла мать, отец недавно женился на другой, и они уехали в тундру к родне жены. А Оля решила переехать к тете Вэльне, все-таки родная сестра

матери. Да и детей у нее нет, муж, старый Хабича, никогда не скандалит. В общем, поживет, увидит. Может, в поселок уедет поработать. Так за разговорами оказались на стороне чумов. С этого дня Якки потерял покой. Он полюбил Олю той единственной, всепоглощающей любовью, которая дается только раз в жизни, да и то не всем. Каждая клеточка его мозга, каждая капелька его крови была наполнена любовью. Но любил Якки безответно. Дорогу ему перешел красивый и стройный парень Степан. Якки коробило, как Степан небрежно относился к Ольге. Оля была влюблена по уши и все ему прощала. Больно было видеть Якки, с какой любовью смотрит Ольга на Степана. Ревность до крови резала по сердцу. Но ничего не мог поделать Якки.

После летней путины у рыбаков было немного времени для отдыха. Осенний лов еще не начался. Не было рыбы. Привезли кино, и молодежь вечерами смотрела фильмы.

Яков и Оля жили на одном становище. Вечерами парень перевозил Олю через протоку. Это было для влюбленного величайшей радостью. Он нарочно медлил на переправе, желая продлить общение с девушкой. До поселка шли рядышком, болтали о чем-нибудь пустяковом. Но стоило появиться Степану, как Ольга исчезала вместе с ним. А Якки смотрел на светящийся экран и часто ничего не соображал. Что-то мелькало на экране, но мыслями он был с влюбленной парой. Он представлял себе, как они целуются, и ему хотелось стонать от душевной боли. Сжимал зубы, терпел сколько мог. А когда становилось невмоготу, парень выходил на улицу и закуривал. Стоял Якки в осенней темени и прислушивался. Сквозь шуршащий дождь и шум ветра чудился ему Олин смех и голос Степана. Прижимался лбом к мокрым доскам стены клуба, тер виски, хотелось заплакать, но слез не было. Хотелось бежать в ночь, куда глаза глядят, но желание увидеть любимую после окончания сеанса удерживало его возле клуба.

Обычно крутили по два фильма, которые кончались около полуночи. Потом уже в кромешной осенней мгле все расходились по домам. Обрато возвращались втроем. Степан провожал Олю, Якки всегда плелся сзади. Кусты били его по лицу, ноги скользили на мокрой тропинке, но он не обращал внимания на это. Он старался не отстать от идущей впереди пары. Идти рядом с ними не смел, был лишним. Степан провожал Олю до переправы. Затем Якки с Олей садились в лодку и переплывали через протоку. Ревность, душившая Якки, понемногу утихала. И он испытывал счастье в те недолгие минуты, проведенные наедине с Олей. Греб медленно, лодка покачивалась, и к сердцу влюбленного подступала нежность. Он не видел в темноте Олиных глаз, сияющих от счастья. И был тому рад. Теперь Оля, пусть на короткий миг, была рядом с ним. Он брал ее за руку, помогал вылезти из лодки и подняться на берег к чумам. Потом с сожалением отпускал ее теплую руку, и каждый раз нестерпимо хотелось обнять ее, поцеловать, но не смел. Якки понимал, что, переступив черту дружеских отношений, он будет изгнан из этого треугольника. Боялся, что Оля неправильно его поймет, ему не будет места рядом с ней, пусть хоть на правах друга. Попрошавшись, расходились по чумам.

Якки торопливо пил чай, тихо убирал посуду, чтобы не разбудить родителей. Затем ложился спать. Но сон не шел к нему долго. Он думал о любимой с нежностью и любовью. Радужные фантазии, мечты о прекрасном успокаивали его истерзанную душу, и он засыпал с улыбкой счастья на губах.

Но однажды на переправе после фильма Степан язвительно сказал: «Мне иногда кажется, что твой верный сторожевой песик смотрит на меня так, будто хочет покусать». И Степан кивнул головой на Якки. Тот оторопел. Ольга приглушенно засмеялась. А Степан продолжал: «Оль, а может, он хочет, чтоб я делил тебя с ним? Что-то вечно волочится

за тобой». Тут Якки задохнулся от обиды. Он готов был кинуться на Степана, но страх позора перед девушкой остановил его. Степан был высок и намного сильнее. Но больше всего его обидел Олин смех. Раньше ей не нравилось, когда Степан унижал Якки, и она выражала недовольство Степану. И вот, наверно, тогда пришел конец терпению бедного влюбленного. Он стал избегать Олю. Вечерами не перевозил ее через реку, не провожал. А обида росла в душе, как снежный ком.

Кино смотреть больше никто не собирался. Пошла полным ходом ряпушка. Рыбаки неводили от темна до темна. Так незаметно подошла зима, которая развела всех в разные стороны. Ольга уехала к отцу в тундру. Степан остался зимовать в рыбацком селенье. У него заболела мать. А Якки уехал с другими рыбаками на зимние рыбоугодья. За долгую зиму обида притупилась, но любовь еще жила в его сердце. Образ любимой возникал перед ним в холодные зимние ночи.

Вернувшись весной в родные края, услышал, что Оля и Степан недавно поженились. Опять в его душе поднялась мучительная боль. Он часто видел их вместе, и обида понемногу стала перерастать в ненависть. Он надеялся, что Ольга надоест Степану, избалованному женским вниманием. И Ольга примет любовь Якки как лекарство от душевной боли. И сейчас, когда рухнули его надежды, Якки страдал от бессилия что-либо изменить в этой ситуации.

Через год у Ольги родился сын, и Якки мысленно желал ему смерти. А малыш рос веселым и здоровым. Когда Ольга родила двух девчонок-двойняшек, Якки решил жениться на молодой вдове Татьяне. Она была чуть старше Якки. Полноватая, покладистая, Татьяна была не очень расторопна, но чум содержала в чистоте. Как говорят ненцы, руки и ноги Якки всегда были в тепле. Имеется в виду, что он не ходил в прохудившихся кисах и рукавицах.

Ольгины девочки подрастали, звали их Саване и Соня. Саване очень была похожа на мать, чем приносила душевный непокой Якки. Как он хотел, чтобы она была его дочерью. Но у него рос сын Эдик, такой же малорослый, хилый, как Якки. Светлым лучиком в его жизни была дочь Наташа, которая в год начала ходить. У него теплело в груди, стоило дочери улыбнуться. Но любовь к Ольге не проходила. Она таилась где-то на самом дне его сердца. Когда Якки напивался, он бил свою жену. Бил за то, что она рядом с ним, а не Ольга. Бил за то, что дети умирали. Иногда бил просто так, хотелось на ком-нибудь сорвать свою злобу.

Вспоминая про это, Якки только сейчас понял, что Татьяна ни в чем не была виновна. И впервые за все годы почувствовал стыд. Жена терпела его побои. Синяки на ее лице долго не проходили. Яков поднял голову, посмотрел на лицо Татьяны. Некогда миловидное, теперь оно было некрасивым. Под глазами кожа была темная и морщинистая — следы частых синяков. По левой щеке наискось, уродуя нос, шел светлый шрам. Якки не помнит, чем ударил жену, да и она тоже. Потому что Татьяна последние годы стала выпивать.

Стараясь вспомнить что-нибудь хорошее в своей жизни, Якки опять ушел в воспоминания. Сын Эдик был точной его копией. Такой же низкорослый и невзрачный. Такой же пьяница. И ничего хорошего у него в жизни, наверно, не будет никогда. В силу привычек, из-за характера он не способен на какие-либо добрые дела. Груб с родителями, работает спустя рукава. Якки даже не помнит, когда сын впервые стал выпивать. Выходит, это он, отец, виноват в том, что его сын уже сейчас законченный алкоголик? Якки снова почувствовал внутри себя саднящее беспокойство.

А память, не зная жалости, выхватывала из прошлого такие кусочки жизни, вспоминая которые почему-то стало теперь больно. Старшая любимая дочь Наташа живет одна с

маленькой дочерью. Красивая, работающая девушка. В тот год, когда окончила школу, приехала к родителям показать жениха. Полурусский, полуненец, Виктор был старше жены на пятнадцать лет. Ему было тридцать три года, а Наташе только восемнадцать. Дочь была беременна. Но зять Якки почему-то не понравился. Выпив достаточно водки, чтобы завестись, он устроил скандал новому члену семьи. Оскорбил Виктора, как мог, выгнал на улицу. Наташу нарочно задержал в чуме. Молодые сразу же поссорились. Назавтра они спешно уехали домой, в райцентр. Скоро Якки узнал, что Наталья осталась одна. Как-то Якки, приехав в поселок, хотел посмотреть на новорожденную внучку, но дочь даже на порог не пустила. Заявила, что он виноват в том, что Виктор бросил ее, что теперь до смерти не простит отцу его выходку.

Якки застонал, повернулся на другой бок. И тут память подкинула еще более мучительное воспоминание. Однажды, когда дети были еще поменьше, он по пьяни избивал жену. Она лежала на постели скрючившись, закрывала голову руками. Якки стоял над ней, взявшись за шест чума рукой, и наносил жене удары ногой, обутой в болотный сапог. Дети с плачем висли на нем. Теперь он вспомнил, как в очередной раз отбросил детей от себя. Младшая дочь Дина ударилась головой об угол стола и осталась лежать. Сейчас он уже не помнит, как выжила Дина. Кажется, очень долго лежала в больнице. Теперь она уже девушка, ей пятнадцать лет, но умом так и осталась пятилетней. Якки опять застонал, невмочь стало лежать, и он сел на постели. Жена обеспокоенно присела возле него. Уж не заболел ли? Якки отрицательно покачал головой. Потом решил выйти на улицу. Может, свежий воздух поможет? Выйдя из чума, окунулся в прохладную морось. Но сырость не успокоила. Постояв немного на улице, Якки зашел в чум. Жена предложила чай, но ничего в горло не лезло, и он опять лег.

Память была требовательна. Почувствовал угрызения совести, когда вспомнился сын Ольги и Степана, Николай. Он не вернулся живым из армии. На второй год службы его привезли в цинковом гробу. А он, старый дурак, был рад смерти этого парня. И вообще, он всегда испытывал чувство удовлетворения, когда у Ольги и Степана были неприятности. Радовался тому, что Степан время от времени погуливал на стороне. Мстительное чувство, злорадство облегчало иногда его измученную ревностью и обидой душу.

И хотя шли годы, ненависть его не проходила, она только спряталась глубже. Потом у Ольги погибла дочь Соня. Перед весенними каникулами ее сбила машина.

И теперь, когда чувства Якки обнажились в своем черном свете, он ужаснулся. Получается, ничего хорошего не сделал в своей жизни ни детям, ни людям?

А память не умолкала. Однажды Якки в очередной раз избил жену. Избил сильно, на ногах не стояла. Татьяна оказалась беременной, и ее увезли в больницу на вертолете. Остался он в чуме с маленькой дочерью Юлей. Юленька была непоседливой девочкой. В свои шесть лет была рассудительна, как взрослая.

Тогда Якки целый день пролежал в чуме. Холодном, пустом. Дочь играла на улице и вечером домой не зашла. Видимо, ушла к соседям. Уже стемнело, когда решил затопить печь. Печь дымила, не хотела разгораться. Изрядно намучился, но чай себе вскипятил.

Оказывается, женский труд в чуме очень тяжел. Стоял март, и было еще очень холодно. И нужно нарубить кучу дров, чтобы целый день подтапливать печку. Привязывать и отвязывать собак, кормить их вареной болтушкой. А тут еще ручные олени дверной полог у чума постоянно открывают. Суют морды в чум и принюхиваются, не пахнет ли корочкой хлеба или свежей ухой? Но ничем вкусным не пахло без

хозяйки, и олени разочарованно отходили, оставляя двери раскрытыми.

Всю работу в чуме приходилось делать, согнув спину, к вечеру Якки с трудом разгибал поясницу.

Через неделю Татьяна приехала. Молчаливая, постаревшая и без ребенка. Ребенок родился мертвым. Якки не мог сейчас поверить в то, что он убил своего неродившегося ребенка. Но он еще до конца не понимал, почему ему становится все больнее и больнее от своих воспоминаний. Только понял, вина за смерть умерших детей на нем. Вспомнил еще, что в грудном возрасте умерли один за другим трое детей. Умирали во время их пьянок с женой. Неужели жена спилась из-за него? Чтоб не слышать и не чувствовать в пьяном угаре оскорблений и боли от побоев?

Ведь в молодости, в начале их совместной жизни, она капли в рот не брала. Якки ерзал на постели, ворочался с боку на бок, садился, затем опять ложился. Шевелящийся ком беспокойства не давал ему покоя. Его ненависть умерла вместе с той, которую он любил всю жизнь. И которую убил. Место ненависти заняло другое чувство. Он не жалел Ольгу, Якки знал, что ее посчитают утонувшей. А рана на голове получена от удара об лодку. Так, утешая себя, он постарался перевести мысли в другое русло. Но память опять подоспела вовремя. Каким отцом и мужем будет его сын алкоголик? Простит ли когда-нибудь Наталья, что разбил ей еще не начавшуюся семейную жизнь? Угрызения совести, раскаяния от зря прожитой, никчемной жизни стали мучить его.

Яков опять сел. Трудно было дышать. Он был один в чуме. И в этой полутьме был один на один со своей совестью. Укрывшись, спрятавшись от законного суда, Якки не понимал пока, что над ним начался суд совести. Справедливый, не дающий милости. Он пока не знал, что теперь не будет

ему душевного покоя до скончания дней своих. Она будет казнить его медленно и мучительно.

Якки будет стараться глушить свою боль водкой. Но назавтра немолчная совесть опять примется за свое дело. И груз своих грехов Якки будет тащить до тех пор, пока не призовет его к себе Великий Нум. И ждет его еще Суд небесный.

Любушкины звезды

Павлу Вануйто шел двадцать пятый год. Он был хорош собой. Стройный и ловкий, не знал себе равных в нелегком рыбацком деле. Многие девушки заглядывались на парня. Но тот не торопился жениться. Ему казалось, что страсти юности прошли и выбирать жену надо с расчетом. Местные девушки Павлу не очень-то нравились. Какие-то вертлявые, несерьезные. Поди и шить-то что-нибудь не умеют. Его ровесники, имевшие семьи, подшучивали над ним: «Долго в парнях ходишь».

Перед осенней путиной в рыбацкое село Сэхэрэв привезли продукты. И как всегда в эти дни народ собирался возле магазина. Живущие на разных берегах реки, на дальних рыбогодьях, они здоровались, делились последними новостями, спрашивали друг друга о жизни, рассказывали о своей. Павел встретил своего одноклассника Ядне Ивана. Тот рассказал о своей жене Наташе и пятимесячной дочери Яляне. Павел и Иван жили на разных рыбогодьях, год не виделись. Им было о чем поговорить. Затем Иван хлопнул собеседника по плечу:

— Давай женись скорее. Чтоб через год у моей Яляне жених был готов.

Пока Павел искал какие-нибудь слова в ответ, Иван толкнул его в бок.

— Смотри, какая красивая, — шепнул он.

Вануйто обернулся. Из дверей магазина кряхтя вывалилась низкорослая пожилая женщина с коробкой в руках. За ней шла девушка. У парня перехватило дыхание. Он никогда не видел такой красоты. Глаза у девушки были большие, темно-серого цвета. Тонко очерченные дуги бровей, изящный прямой нос. В углах красивого, будто нарисованного рта таилась какая-то загадочная улыбка. Девушка шла, держа голову прямо. Казалось, не замечала никого. Отсутствующим взглядом смотрела перед собой.

— Рот-то закрой, — услышал Павел рядом. Иван с сожалением пожал плечами:

— Красивая девушка, да не все в порядке у нее. Ни с кем не разговаривает. Ничего толком не понимает. Говорят, она ночами не спит, все ходит и ходит. А днем отсыпается.

«Что ж, красота не всегда в радость человеку», — подумал Павел и пошел следом за девушкой, чуть поодаль. Он видел, как старуха положила коробку в лодку. Затем она отошла к группе женщин, стоящих недалеко. Девушка села возле лодки на опрокинутый ящик из-под рыбы. Вануйто подошел к ней, спросил:

— Как тебя зовут?

— Люба, — ответила она, не глядя на него.

— А меня Павел, — сказал он и опустился возле девушки на корточки, надеясь заглянуть ей в глаза. Люба промолчала. Парень не знал, с чего начать разговор. Решил спросить:

— Далеко живешь?

— Не знаю, — сказала она, глядя перед собой, не проявляя никакого интереса к собеседнику.

Павел терзал себя, не зная, чем заинтересовать девушку, чтобы наконец она взглянула на него. Он боялся, если сейчас у них не получится никакого разговора, то больше они не встретятся как знакомые. Но если между ними возникнет

искорка интереса друг к другу, то продолжение знакомства очевидно.

— У нас тут иногда кино привозят. Ты смотришь фильмы? — с последней надеждой спросил Павел.

— Я люблю фильмы, но никто не возит меня смотреть кино. — Это была самая длинная фраза, впервые сказанная за все время их диалога. И наконец-то она подняла на него глаза. Павлу показалось, что в пустом взгляде прекрасных серых глаз мелькнула искорка интереса.

Тут подошла старая женщина — Любина мать, разговорчивая и повеселевшая. Видимо, кто-то угостил ее горячительным напитком.

— Мы сядем в лодку, а ты толкни ее от берега, — сказала женщина, поднимая якорь.

Павел оттолкнул суденышко от берега. Потом долго смотрел на отплывающую лодку. В душе его появилось новое, неведомое до сих пор ощущение полета. Павлу казалось, что он парит над водой, летит вслед лодке, которая становилась все меньше и меньше, пока не скрылась за поворотом реки. В груди было жарко. Где-то внутри звенела тоненькая струнка, от чего парню хотелось петь. Сзади к нему подошел Иван, до этого молча наблюдавший за товарищем. Дернув его за рукав, сказал:

— Напрасно ты все затеял. Эта девушка предназначена небу, и она вряд ли полюбит тебя. Да если и полюбит, это ни к чему хорошему не приведет. Пошли отсюда.

Павел отошел от воды. Надо было зайти в магазин, отовариться, но ему не хотелось. Он расспросил Ивана, где живет Люба и с кем. Оказывается, Люба живет за рекой с отцом и матерью. Чум стоит вверх по течению, за поворотом реки, одиноко. Других чумов рядом нет.

«Надо будет попросить отца перевезти чум на другой берег», — подумал Павел.

Весь остаток дня находился в возбужденном состоянии. Чувство легкого опьянения делало его разговорчивым и веселым. Водку в магазине давали строго по норме, не больше одной бутылки на человека. Но народ все-таки ходил навеселе. Слышалась уже ругань, пьяные голоса. Павел водку решил не брать. Он не увлекался спиртным, и ему было все равно: есть выпивка или нет. Новое чувство, вдруг свалившееся на Павла, не давало ему покоя. Он ходил между людьми, с кем-то обнимался, с кем-то здоровался. Временами до него не доходило, о чем идет речь. Одно Павел понимал, что влюбился. Влюбился по-настоящему. В магазине в тот день так и не отоварился.

Утром Павел стал просить отца:

— Давай перевезем чум на другой берег.

Отец удивился:

— Это зачем? У нас тут нарты с зимними нюками, все наше хозяйство. Да и давно на этом месте живем. Зачем переезжать на другой берег?

Павел не унимался. Ему пришла в голову еще одна мысль:

— Ну тогда давай поставим чум чуть повыше по течению, только на этом берегу. Там густой, высокий ольховник. Дров на зиму много будет.

— Это где? — заинтересовался отец.

— Напротив одинокого чума на том берегу, — надеясь на согласие, сказал Павел.

Отец долго не упирался. И в тот же день вещи и разобраный чум были погружены в большую лодку, неводник, перевезены на новое место. Стояли теплые сентябрьские дни, и все живое радовалось последнему солнечному теплу. Собирались в стаи мелкие птицы. Перелетали от дерева к дереву. Вороны поднимались в небо, шумно хлопая крыльями. Временами с криком окружали одиноких чаек, парящих

в небе. И хотя чайки сами горласты и не прочь подраться, но тут старались удрать от вороньей стаи. В эти дни короткого отдыха люди готовили к зиме дрова. Распиливали толстые бревна, еще весной привезенные во время паводка. Некоторые рубили и таскали на больших лодках толстые пучки ольхи.

В чумах женщины готовили зимнюю одежду. Что-то ремонтировали, чаще шили новые меховые изделия: малицы, ягушки, кисы, рукавицы. Осенний ветерок был ласков с багряной рябиной. Чуть теребил бурые ольховые листья. Что-то нашептывал стройным высоким талам, покрытым желтыми листьями. В ярко-желтых листьях ивовых кустов шмыгали подростки за лето птенцы.

На новом месте, выбранном Павлом, действительно ольха и толще и гуще. Чуть-чуть вырубил кусты. На крутом берегу Павел поработал лопатой и получились широкие ступени. И сухо и тишина вокруг. Старики были довольны. И ближний чум от них недалеко. Станет скучно матери Павла, старой Хойне, пойдет поболтать к соседке. Павел старательно вырубил в кустарнике тропинку в направлении соседнего чума. Время от времени бросал взор через реку. Там, за полосой воды, стоял тот чум, где жила девушка, тронувшая сердце. От избытка чувств старался братья за самую тяжелую работу в хозяйстве. Чум был собран, вещи перетаскали. Не заметил, как нарубил большую кучу дров. А руки еще просили работы. Душа его пела. Теперь он каждый день будет видеть фигурку Любы возле чума на том берегу.

И правда, Павел каждый день видел Любу. Она подолгу сидела возле чума. Иногда к ней подходила мать.

Конечно, переправиться через реку Павлу хотелось нестерпимо. Увидеть лицо любимой, поговорить с ней. Но сдерживал себя, полностью отдаваясь работе. Рубил на

дрова толстый ольховник, таскал к чуму, не ощущая тяжести. Распиленные коротко бревна казались на плечах легче пушинки. Он работал, не замечал времени.

Старая Хойне сразу заметила перемену в сыне. Она видела сияющие, как звезды, черные глаза Павла. Смотрела на его посветлевшее лицо и терялась в догадках: кто зажжет костер любви в груди ее единственного сына?

Ход ряпушки еще не начался, но рыбаки все равно неводили. Вообще, у рыбы нет тропы, а косяки ее могут ринуться вверх по течению в любое время.

Дни становились все прохладнее. Часто накрапывал мелкий дождь. Налетал ветер, шуршал опадающей листвой, хлопал мокрыми брезентовыми нюками на чумах. После притонения и сдачи рыбы Павел бежал к себе, быстро ел и выходил на улицу, чтобы увидеть свою Любушку, сидящую на улице даже в холодные дни.

Но однажды влюбленный не выдержал, сел в маленькую лодку и поплыл через реку. Причалил, бросил якорь. Поднявшись на крутой берег, увидел Любу. Она сидела на ящике, одетая в громоздкую теплую ягушку. Серые глаза ее были неподвижны. В уголках рта все та же улыбка. И только ветерок шевелил на лбу курчавую прядку, выбившуюся из-под белого пухового платка.

Павел подошел к ней, присел на корточки.

— Здравствуй, Любушка, — промолвил он.

Любушка посмотрела на него, на лбу появились складочки, брови сошлись, будто девушка силилась что-то вспомнить, но не могла. И все-таки она сказала:

— Здравствуй.

— Любушка, ты не узнаешь меня? Я Павел, — спросил он, надеясь, что она вспомнит его.

— Ты Павел. Я знаю, — ответила она. Щеки ее порозовели.

На голоса выглянула из чума мать Любы, Хадконе. Тут же скрылась. Павел волновался, все искал тему для разговора. Но не знал, с чего начать беседу. И тут вспомнил про кино. Совместный поход в кино — во все времена лучший предлог для дальнейшего знакомства.

Павел сказал:

— Скоро кино привезут. Хочешь, я тебя буду возить на фильмы?

— Хочу, — ответила она.

Опять он заметил в ее серых глазах живой огонек, который мелькнул и тут же погас. Желая разговорить девушку, парень спросил, какие фильмы видела, что ей понравилось. Но Люба ответила уже потускневшим голосом:

— Не знаю.

Тут вышла хозяйка и позвала пить чай. Он нерешительно потоптался возле девушки, не зная, зайти одному или вместе с ней. Но Хадконе сама подошла к дочери, помогла ей подняться, и все зашли в чум. Старая женщина поставила небольшой низкий столик. Быстро накрыла, разлила по чашкам душистый, кирпичного цвета, чай. Павел заметил, что Люба ела мало и неохотно. Казалось, что тонкая рука так тяжела, что девушка с трудом ее поднимала. Пальцы у Любы были длинные и тонкие. Кожа на кистях рук казалась прозрачной, ниточки сосудов просвечивали через нее.

За чаем Любина мать рассказывала про дочь. Три года назад Люба неожиданно ночью исчезла из чума. Утром обыскали ближние кусты, осмотрели берег реки, но нигде даже следов не обнаружили. Расспросили всех соседей.

Она сама появилась к обеду. Даже не заметили, откуда пришла. Увидев ее, мать оторопела. Любина летняя ягушка, синяя, в красивых орнаментах, вся была в песке. Тонкая ночная сорочка порвана в нескольких местах и тоже в песке. Длинные темные косы растрепаны. Под глазами

синие круги, а глаза застывшие, будто ничего не видели. Мать не могла найти слов и молча кинулась к дрожащей Любе. Обняла за плечи и завела в чум. На вопросы матери, где была и что с ней случилось, говорила, что не знает, не помнит. Переодевая дочь, Хадконе не знала, что и думать. Сердце ныло в недобром предчувствии. Затем потерявшая душевный покой женщина опять начала осторожно расспрашивать дочь. Из бессвязной речи она поняла не много, но сильно встревожилась.

С недавних пор девушка часто слышала какие-то голоса. Эти голоса звали ее в лес, манили на речку. Пробежит ветер по листьям, Любе кажется, что деревья разговаривают между собой. Зашелкает в ветках какая-нибудь птичка, девушке мерещится, что та смеется над ней. Плещет волна на берег — речка чем-то недовольна. Люба слышит, как звенят на пригорке синие колокольчики. Гагара на озере заплачет — она в слезах: птица упустила пойманную рыбу. Очень раздражала ее чайка своим хохотом: хищница хвасталась, что всю рыбу попортила в сетях. Выела только лакомые, жирные кусочки.

В ту ночь ей почудился мужской голос, зовущий в лес, волнующий до глубины души. Любе показалось, что какая-то неведомая сила подняла ее на ноги и мягко вынесла на улицу. Окунулась в августовскую ночную темь и больше ничего не помнит. Не помнит, как очутилась возле чума уже днем.

С той поры Люба частенько выходила ночью. Сиделась на что-нибудь и долго не заходила. Мать не сводила с нее глаз. Временами девушка порывалась уйти в лес. Махали ветками ели — ей казалось, что ее зовут. Шумит ветер в верхушках берез — Люба опять слышит зов.

Подходила к концу летняя путина. Рыбаков скоро повезут с этого рыбоугодя, называемого Надо-Мара, на осенний лов. Уйдет Люба в лес, где ее потом отыщут? И потому из-

мученная от отчаяния и бессонницы старая женщина сдала дочь в больницу. Люба приехала через год. Она выглядела спокойной, но на внешний мир уже почти не реагировала. Три раза девушку возили в больницу, но ничего не менялось. Мир людей, живущих вокруг нее, был отгорожен невидимой стеной. Материальная оболочка, Любино тело, пустовало. Душа, живущая совершенно в другом измерении, никаких страданий Любе не причиняла. У девушки было чувство долгого полета. Ей неважно было — куда, зачем. Ей было просто хорошо лететь.

Этой осенью Любе исполнилось 20 лет. Уставшая от страданий Хадконе решила: если дочери суждено умереть, пусть она умрет дома. Похоронят ее в самой хорошей и теплой одежде — сердцу меньше боли. Если же умрет в психбольнице — бросят ее раздетый труп в сырую яму, мать до скончания дней будет мучить бессонница.

Люба отрешенно смотрела на стол, пока мать рассказывала про муки дочери.

— Шамана бы хорошего, да не осталось в живых ни одного, — вздохнула старуха и до конца чаепития не проронила ни слова, углубленная в свои мысли.

— Кино привезут. Я ее буду в кино возить, — промолвил Павел.

— Вряд ли что поможет ей. С каждым днем все хуже и хуже. Люба почти ничего не ест. Мало спит. Полночи сидит на улице, — Хадконе тяжело поднялась, убрала стол, вытерла чашки.

На улице послышался стук весел. Павел вышел из чума, за ним Люба. Приехал с рыбалки хозяин, старый Ядко. Маленькая лодка была полна ряпушки. Набирая мешок, старик промолвил:

— Вчера всего ведро наловил. А сегодня — видишь? Почти два мешка рыбы. Значит, пошла уже ряпушка.

Павел подождал, пока Ядко зайдет в чум. Затем опустился на ящик возле сидящей Любушки. Девушка не могла долго находиться в чуме. Там ей не хватало воздуха. В чуме в основном она спала. Могла спать целый день. А потом полночи сидела на улице. Обняв за плечи Любу, закутанную в теплую ягушку, Павел не отрываясь смотрел ей в лицо. Смотрел, упиваясь ее красотой. Так смотрят на картину в музее или в мастерской художника, когда трудно оторвать взор от нарисованного. Сидели и молчали.

День уже клонился к вечеру, когда Павел поплыл домой. Ветер гонял по реке мелкие волны, которые мокрыми ладошками шлепали по борту маленькой лодки. Накрапывал редкий прохладный дождь. Любовь, похожая на безумный припадок, легкая вибрация души, чувства, до этой поры не ведомые Павлу, открыли ему новый мир. Окружающая его природа дышала, жила, говорила, страдала. Ему казалось, что он понимает язык птиц, явственно видит, в какие цвета окрашены различные чувства человека.

Наверно, многие влюбленные, приоткрыв дверцу в мир чувств, удивляются, как они раньше ничего не замечали.

В чуме его ждала мать с давно остывшим ужином. Хойне недобро молчала. Но Павлу сейчас не до настроения матери. Он был целиком поглощен своим чувством.

Дни пролетали быстро, словно вспугнутые куропатки. Пошла ряпушка. Правда, не очень много. Удачливым рыбакам невод приносил около тонны мелкой серебристой рыбки. Кому не везло, у того было мало — самое большее черпали килограмм пятьсот. Бросали невод два раза в день. Темнело быстро, но после притонений Павел переплывал через реку. Как всегда Любушка сидела на улице. Он садился возле нее, рассказывал фильмы, которые видел. Иногда он скрашивал концовки фильмов. Но часто девушка коротко бросала:

— Это было не так. Я видела этот фильм.

В основном, ее репликами были: зачем, почему, не знаю, не помню. Неожиданно она поражала Павла тем, что лаконично высказывала какие-нибудь философские мысли. Его радовало то, что с каждой их встречей Люба становилась оживленнее. В глазах появлялась живинка, на щеках — румянец. Больше всего любила звезды. Ведь осенью они яркие, как никогда.

Их окутывал фиолетовый бархат осенней ночи. И если небо было чистое, то звезды сияли голубоватым светом. А Любушка каждый раз говорила:

— Это мои звезды. Иногда я с ними разговариваю. И они мне отвечают.

Она рассказывала о них, как о живых существах. Павел понимал, что это плоды ее больного воображения, но зачарованно слушал про чудесный мир звезд. Стоило парню закрыть глаза, ему чудилось, что он отрывается от земли. Сразу испуганно вздрагивал.

Любушка с каждым днем слабела, и он чувствовал, как капля за каплей уходила из нее жизнь. Он не хотел и не верил в ее смерть, но в глубине души появился малюсенький комочек боли, острый и навязчивый.

Времени для встреч становилось все меньше и меньше. Начался ход ряпушки. Северные ветры дули не переставая. Сырость пронизывала до костей. Небольшие лодки, городоушки, до краев наполнялись трепещущей ряпушкой. Потом ехали на плашкоут сдавать рыбу. Черпали ряпушку зюзьгой, круглой лопатой вроде сачка, в ящики. В один ящик надо набрать пятьдесят килограммов. Деревенели спины, пальцы скрючивались, становились непослушными. Затем короткий перерыв на обед и опять — за ряпушкой.

Павел часто засыпал в неводнике, пока кидали невод. Старался немного вздремнуть, когда ехали к рыбоприемке.

Так получилось, что два дня он не видел Любы. Приехав со сдачи рыбы ночью, он за столом засыпал одетым и про-

сыпался на ранней заре от толчков матери. Хойне последнее время была недовольна сыном и на его расспросы о Любе отвечала с неохотой. Только узнал, что на улицу она не выходит. Павел забеспокоился. Исстрадавшаяся душа не давала покоя на работе.

На третью тонь Павел не поехал, сказав бригадиру Ёнко, что если хочет, пусть ставит прогул. И тут Ёнко будто прорвало. Он возмущенно кричал:

— Мало того, что работаешь в полсилы, да еще спишь на работе. Видно, труп этот не дает тебе покоя.

Павел не помнил, как вцепился в грудь бригадиру. Кто-то старался отодрать его руки, кто-то успокаивал. Между ними пролез сын бригадира, семнадцатилетний Костя. Наконец их разняли. Не глядя на товарищей, Павел зашагал домой, тяжело дыша от обиды и возмущения. Не заходя в свой чум, оттолкнул лодку, прыгнул в нее и сильными гребками поплыл на тот берег.

Старики обрадовались ему. Хадконе сказала, что последние дни Люба почти не вставала и не ела. Сразу же была затоплена печь, зашумел чайник. Павел прилег возле любимой, отвернул меховой воротник ягушки от ее лица. Она медленно открыла глаза, посмотрела на него не узнавая, собралась отвернуться и дальше спать. Павел просунул свою ладонь под Любину голову, приподнял ее. Девушка опять посмотрела на него, тут же обхватила за шею руками и прижалась к нему.

Ей казалось, что он опять исчезнет, изо всех силенок держалась за него. Молчала и только постанывала, как ребенок, который долго плакал. Старуха поставила стол, тяжело вздыхая, расставила посуду.

Люба впервые за три дня попила горячего чаю. Смотрела на Павла, все еще держа его за руку. Старики за чаем изредка задавали рыбаку вопросы о том, где богаче уловы, сколько сдала рыбы их бригада, справились с планом или

нет. Хадконе убрала стол. Любушка попросила отвести ее на улицу, сославшись на то, что в чуме душно. Но ходить у нее не было сил. Тогда Павел завернул ее в ягушку и понес на улицу. Дул пронизывающий ветер, гоняющий тяжелые тучи. С звонким кличем пролетали в небе гуси. Шелестела желтая, поникшая от дождя трава.

Павел с девушкой вскоре продрогли и зашли в чум. Чтобы отвлечь себя от плохих мыслей, старая женщина стала рассказывать о людях, некогда впервые осевших на развилке трех рек. Здесь река Мессо уходит в трех направлениях. Две реки называются Мессо — нижнее и верхнее, третья река — Щучья. Щука ловится круглый год. Но самая ценная здесь — это ряпушка. Недаром селедку называют царской рыбой. Едят ее все. Богатые и бедные, ненцы и русские, другие нации, живущие в наших краях. Селедку едят собаки в голодные, холодные зимние дни. Зимой этой рыбой подкармливают ручных оленей. Песцы и лисы таскают зимой ее из запасов на весну. Но больно видеть, как иногда осенью приезжают с поселка люди за ряпушкиной икрой. Накупят у рыбаков за водку ящики икряной рыбы. Икру выдавят, а саму рыбу бросят вместе с ящиками в кусты. И начинают круглые сутки обжираться крикливые вороны и горластые чайки. Полно гниющей рыбы в ящиках, но чайки и вороны дерутся между собой из-за каждой рыбешки. Банками, ведрами вывозится красная икра ряпушки с рыбоуголья.

Вечером Павел попросил Любу отпустить его ненадолго, всего на полчаса.

— Я приеду, — уверял он, — я от тебя больше не уйду.

Все еще не веря ему, Люба отпустила руку Павла. Проводила его до дверей чума, но молчала.

Павел оттолкнул свою лодочку, поплыл домой. Мать вошла с печкой, нарочито гремела полешками в печи. Хотела уже что-то сказать, но Павел опередил ее:

— Ма, дай немного денег.

— Зачем тебе деньги? У нас ведь всего хватает, — спросила Хойне.

— Нужно. Дай денег, — сказал он тоном, не терпящим возражений.

Мать молча метнулась к своей женской сумочке, стуча мелкими железными кольцами вместо украшений. Побряцала ею, достала горсть монет и протянула сыну. Отсчитав нужную сумму, сунул остальные матери. Бросился вон из чума.

За поворотом реки возле первого рыболовного песка стояла серая железная баржа, трюмы которой были полны рыбы. Ящики с рыбой стояли на палубе. Через несколько часов подъедет с рыбозавода рефрижератор, загрузит трюмы рыбой и увезет вот эту полную баржу на разгрузку. Павел греб в направлении рыбоприемки. Подплывая, увидел фигурку приемщика между ящиками. Приемщик копошился в ящике с крупными налимами. «На уху рыбу вытаскивает», — подумал Павел. Ухватясь за обледенелый борт баржи, крикнул наверх:

— Сидоров!

— Чегой? — из-за ящика показалась облысевшая наполовину голова пожилого мужика. Тут же из кубрика вышла женщина небольшого роста, полноватая, черные живые глаза молодо блестили.

— А Павлуша, здравствуй, — проговорила она приветливо, подходя к нему.

— Чегой надо? — еще раз спросил Сидоров, вытирая руки о рукава фуфайки.

Павел поднялся на борт баржи, протянул деньги Сидорову:

— Купи два килограмма самых румяных яблок в поселке. Завтра вечером вы ведь здесь будете. Если я не подъеду, передай с кем-нибудь.

— Для кого это ты заказываешь румяных яблочек, а?
— старик хитро прищурился.

— Пока это секрет, — Павел через силу улыбнулся и слез с рыбоприемки.

Торопливо греб против течения, которое осенью на реке Щучьей слабое, кажется, что вода стоит на одном месте. Плыл напрямик к Любиному чуму, бросал взгляд на свой берег. Уже темнело, и родители вряд ли видели его лодку.

В эту ночь Павел домой не поехал. Ночью Любе становилось то жарко, то холодно. Мать два раза вставала, топила печь. Парень с девушкой почти всю ночь просидели, подпертые сзади кучей ягушек и большой подушкой. Люба не выпускала теплую ладонь Павла. Ей казалось: уснув, она опять потеряет его.

Под утро Любушка задремала. У Павла затекла рука, поддерживающая Любины плечики, но он боялся шевельнуться, боялся потревожить спящую. Затем незаметно для себя уснул. Проснулся уже в десятом часу. В печке стучал крышкой чайник, поставленный на головешки, чтоб не остывал. Было тепло.

Видно, хозяйка недавно топила и вышла на улицу поработать. Подняв голову, Павел увидел в дырке наверху чума, в мокодаси, яркий солнечный лучик.

Рука совсем онемела, но Люба спала, положив голову ему на плечо. Чуть касаясь губами, поцеловал мягкие волосы у нее на макушке. Глубоко вздохнув, Люба сразу проснулась. Зашла Хадконе, помогла дочери выйти на улицу. Павел сильно потер затекшую руку.

На душе было плохо. Он подумал о своих товарищах. Перед ним встали их покрасневшие от холода лица. Представил непослушные пальцы, скользящие по обледенелым бортам лодок, ноги в резиновых сапогах. Но тяжело было не оттого, что посчитал себя предателем по отношению к товарищам.

Мучительнее было то, что Любе осталось жить немного. Да, его крепкие сильные руки нужны бригаде. Но нужнее всего его горячее сердце этой умирающей девушке. Потому он и сделал свой выбор не раздумывая.

Позавтракав, Люба опять попросилась на улицу. На улице было белым-бело от только что выпавшего снега. Солнце временами проглядывало сквозь тучи, и тогда снег начинал блестеть мириадами звезд. Павел обнимал за плечи Любушку, в толстой теплой ягушке похожую на ненецкую куклу нгухуко. Прислонившись к плечу Павла, она счастливо улыбалась, глядя на искрящийся снег:

— Смотри, Павел. Это тоже мои звезды. Они такие красивые, их так много. Но они не вечны. Завтра может начаться дождь. И эти красивые звезды исчезнут.

Затем грустно улыбнулась:

— Когда на землю опять упадут блестящие звезды, я их уже не увижу.

Она замолчала. Павел хотел возразить, что все будет хорошо, что она поправится, но в горле застрял ком. Ком этот рос, давил на сердце, на мозг, распирал изнутри грудную клетку. Но, не найдя выхода, все давил и давил на горло. Сдержав рвущееся рыдание усилием воли, промокнул незаметно слезы. Стараясь отвлечься, поглядел вокруг. Взгляд упал на свой чум за речкой. Возле него копошились две маленькие фигурки. Видно, родители заняты мелкими делами по хозяйству. Павлу не о чем было беспокоиться: дров наготовлено много; заранее выловленная рыба лежала в ящиках, прикрытая сухой травой. На этой стороне вдоль берега заметил черную приближающуюся точку. Это плыла лодка Ядко. Видно, старик с утра пораньше поехал по своим делам. Наверно, ездил в магазин за хлебом, делает запас на время ледостава, или навещал старшую дочь Валентину, которая не могла проведать больную сестру: некуда деть

детей, двойняшек-грудничков и двухлетнюю дочь, которая еще слабо ходила.

Пока размышлял о мелочах жизни, не заметил, что лодка уже близко. Люба от слабости временами засыпала у него на плече, но в чум заходить упорно не хотела. Тогда Павел поднял ее на руки и занес в чум, а сам вышел встретить старика. Ядко купил мешок хлеба. Павел ухватился за мешок, чтобы поднять на плечи, но старый ненец жестом остановил его. Парень поглядел удивленно. Старик тем временем шарил у себя за пазухой. И тут Павел увидел, как Ядко достает через ворот малицы яблоки в хрустящем целлофановом пакете.

— На. Тебе просили передать.

Схватив яблоки, парень чуть было не рванулся к чуму, но спохватился: мешок-то остался в лодке. Подняв на плечи хлеб, Павел легкими прыжками оказался возле чума. Бережно обнимал кулек с румяными крупными яблоками, будто в них было Любино спасение. Торопливо опустив мешок хлеба возле дверей чума, подсел к спящей девушке. Она проснулась. Павел помог ей сесть, подперев сзади подушкой. Вывалил все яблоки ей на колени, на ягушку. Люба слабо улыбалась, гладила тонкими пальцами прохладные бока яблок. Старый Ядко выкладывал последние новости, услышанные возле магазина. Хадконе ставила посуду на стол. За чаем Павел нарезал для Любы яблоко тонкими ломтями. Съев два ломтика, она больше ничего не хотела есть. Старые люди о чем-то переговаривались, стараясь скрыть тревогу.

А сердце Павла металось от боли за любимую. Как это было несправедливо! Молодые красивые люди полюбили друг друга, но еще день-два — и они навсегда расстанутся. Никогда они больше не увидятся. И только их души когда-нибудь сольются на небесах, где Любушка будет его ждать.

Остаток дня больная проспала. К ночи ей стало плохо. Любе было холодно, и она лежала на шкурах возле жарко

натопленной печки. Голова покоилась на коленях Павла. Он молча перебирал ее волосы. Не хотел верить, что Любушка умирает.

Возле них рядышком сидели старики. Они ждали этого дня и готовы были к потере младшей дочери. Но смерть своего дитя человек не может перенести спокойно. И если ненец с виду сдержан при этом, то душа его плачет, а сердце разрывается от боли. Старый Ядко сидел, низко опустив голову, тербил свою черную прокуренную костяную трубку. Сам не замечал, сколько раз снял мундштук трубки, сколько раз прочистил палочкой. Старуха сидела, прижав колени к груди, положив друг на друга полупустые рукава старой ягушки. Растрепанные волосы закрывали низко опущенное лицо, по которому пробегали редкие слезы. Сидели молча.

К утру Любушка перестала дышать. Павел, все еще не веря в случившееся, держал ее на руках. Он ничего не сообщал и лишь смотрел в прекрасное лицо любимой, которое видел в последний раз.

Очнулся от толчков Любиной матери, забирающей из его рук неподвижную дочь. Он видел, как старики положили ее на постель, укрыли всю ягушкой. Павел смотрел на них, продолжая сидеть на шкуре возле остывающей печки.

Хадконе положила ему на колени малицу, он машинально ее надел. Подполз к лежавшей Любе, хотел отвернуть от ее лица ягушку, но рука старой женщины остановила его:

— Нельзя ее зря тревожить. Она умерла. Выйди лучше на свежий воздух.

Любина мать подошла к печке, затем поворошила золу, бездумно глядя перед собой. Долго сидела возле печи и молчала. Потом, очнувшись, сказала:

— Старый, как только рассветет, сходи к близким соседям. Старую Мелне позови, старика Пурунгуи, Мэдна, его жену Ензорне. Она помоложе всех, расторопная. За Вален-

тиной за реку не собирайся. Шуга началась. Льдины острые лодку продырявят, твоей смерти только не хватало.

Она опять надолго замолчала. Молчал и Ядко, курил трубку, набитую доверху махоркой.

Шатаясь от слабости, — ноги были как ватные — Павел вышел на улицу. В грудь хлынул свежий ветер, но не мог остудить комок горячей боли, стоящий где-то между горлом и сердцем. Слез не было. Ни о чем не думая, присел на колоду. Звезды, Любушкины звезды, на небе были бледны, будто за- тухали одна за другой. Зато заря сияла узкой полосой, как лезвие топора. Ветер дремал в верхушках старых корявых талов. Было тихо до звона в ушах. Только сонно ворочалась река под тонкой пленкой колючего льда. Вдоль берегов лед уже замерз. Павлу хотелось зайти в чум, посмотреть: а вдруг Люба не умерла, а просто уснула и сейчас ищет его. Но ноги его не держали. Напряжение последних дней, натянутые до предела нервы. И чувствовал себя Павел лопнувшим детским шариком.

Меж тем светало. Над головой бесшумно парила чайка. Изредка перебранивались две собаки в недалеких чумах. Начинался новый день. День без любимой. Начиналась другая, опустошенная жизнь. Жизнь без Любушки.

Из чума его позвали. Старая женщина поставила низкий столик прямо в дверях чума, накрыла его и отошла. Павел не чувствовал вкуса пищи. Не мог попросту протолкнуть в горло хотя бы чай.

Пришли женщины с соседних чумов. После обеда начали обрядить покойную. Дырявили рукавицы на белоснежной ягушке, сделаны были дыры на всей одежде, на узорчатых кисах. Красная повязка с нашитыми бусами навсегда закрыла от глаз людей ее красоту. Две чашки, края которых были выщерблены острым ножом, поставили в изголовье покойной. Бережно, неторопливо упаковали Любушку в последний

путь. Затем ее вынесли, положили на пустые нарты, заранее подготовленные. Накрыли сверху малиновым сукном. Нарты оттащили и поставили недалеко от чума.

Когда крепко замерзнет лед, повезут покойную на родовое кладбище, построят добротный гроб, забьют оленя.

Два дня прошли для Павла как в каком-то сне. Он все делал машинально: помог переставить чум на другое место, со стариком Ядко перетаскали дрова из ольховника. (Старый ненец еще весной их нарубил). Ночами почти не спал.

На третий день лед на реке окреп. Павлу нужно было идти домой. Свою и лодку Ядко они вытащили на берег. Перевернули вверх дном. Пусть отдыхают до новой воды.

Не спеша Павел шел по недавно замерзшему льду, который трещал, как тонкое стекло, но выдерживал его тяжесть. Возле чума сидел отец и молча наблюдал за сыном. Мать была в чуме. При виде сына загремела дверцей печи, брякнула чайником, стукнула кружкой о крышку бачка. Но Павел всего этого не слышал. Не раздеваясь и не снимая сапог, откинулся на постель. Глядя на макодаси, не заметил, как уснул.

Проснулся резко. Сел. В чуме было тепло. Ярко горела керосиновая лампа. Рядом сидел Ядне Иван и беседовал с отцом Павла. Друзья молча переглянулись. И тут Павел опять почувствовал боль в груди. Но теперь она не жгла, тупо ныла. Стянул сапоги. Кисы лежали рядом, обулся.

Скоро Хойне поставила стол. За чаем мать неожиданно завела речь про Ядко:

Отец у Ядко был шаман. Не очень великий. Просто юдERTA. Это такой шаман, который видит вещие сны. У шамана Хаволэ, как у любого старого ненца, были изображения разных богов. И как у всех в железном ящике все это хранилось. Хаволэ возил этот ящик с собой, когда кочевал по тундре. Пришло время коммунистов. Быть коммунистом было почет-

но. Молодой Ядко тоже стал коммунистом. Он потребовал от отца, чтоб тот выкинул своих божков и идолов, потому что отец-шаман — позор для сына. Старик не знал, что делать. Выкинуть ящик со священными предметами нельзя, это великий грех на весь род на всю жизнь. Он уже собирался оставить свой ящик где-нибудь в кустах подальше от чумов. Но не успел. Однажды, выпив «огненной воды», Ядко распотрошил ящик с изображениями богов, идолов. Выкинул все это в кусты. Хаволэ позже умер без мучений. Ядко прожил спокойную жизнь, но похоронил двоих взрослых сыновей и еще двоих — в малышовом возрасте.

Будь старое время, Любе нужно было бы дать в руки бубен, и тогда она стала бы шаманкой и нормальным человеком. Прожила бы долго. Хотя бы в первые дни болезни дочери забил оленя! Кликнуть надо было хозяина того места, куда уходила дочь. Принеся ему жертву, он облегчил бы участь Любы. Но Ядко не стал этого делать. Как же — старый партиец. Говорят, у него тетя, старшая сестра его отца Хаволэ, была сумасшедшей. Только бубен вернул ее к нормальной жизни. Умерла в глубокой старости, живя где-то на Енисее. Любина смерть — это кара великого Нума. И никто тут не был в силах помочь.

Старая женщина так же внезапно замолчала, как и внезапно начала рассказ.

Все молча закончили застолье.

После ужина Павла потянуло на улицу. Ночь была черная. На небе сияли звезды. Они были яркие и чисты, как будто глаза после слез. Это были Любушкины звезды. Прикрыв глаза, Павел сдержал рыдание. Рука подошедшего Ивана легла ему на плечо.

Последующие дни погода менялась: то капал дождь, то морозило опять. Павел уходил подальше в ольховую рощу. Остервенело рубил дрова. Иногда подолгу стоял как вко-

панный с топором в руках. Глаза застилали слезы. Только теперь понемногу стало до него доходить: Любы больше нет.

Родители молча переживали за него, но ничем не могли помочь. Время само его вылечит. Во всяком случае душевная рана зарастет хотя бы непрочной корочкой. Но рана сердца еще долго будет саднить. А пока каждый вечер Павел выходил на улицу и смотрел на звезды. На Любушкины звезды.

Белый олень

Слегка мела поземка. Покрасневшее от мороза солнце выглянуло из-за горизонта, посидело недолго на вершине невысокой сопки и, ёжась от холода, медленно ушло за холмы. Что поделать — таков месяц январь. Не зря ненцы называют его орлиным месяцем. Выглянет солнце, посидит немного на холмистой тундре и скроется за чертой, разделяющей небо и землю. Но жители тундры все равно рады недолгому солнышку. Пройдет какое-то время, и солнечный лик будет сиять над тундрой каждый день, все дольше и дольше.

А пока люди заняты своими привычными делами. В небольшом стойбище на берегу круглого, как блюдце, озера сегодня все мужчины уехали в поселок за хлебом. В трех чумах остались две молодые женщины с детьми и одна старуха. Молодые женщины сноровистые, как все тундровички. Быстро нарубили дров и натаскали с озера льда для воды. Когда старая Мядыне нарубила небольшую кучку ольхи, молодухи занесли свои дрова в чум. Мядыне поглядела на веселые курчавые дымки соседских труб и дальше занялась своими делами. Обычно старая женщина заходила к какой-нибудь соседке погреться у горячей печки, попить душистого чая. Но сегодня с самого утра она была не в себе. Недоброе предчувствие давило сердце Мядыне. В пустой холодный

чум заходить не хотелось. И старуха старалась подольше задержаться на улице. Рядом крутились ручные олени, обнюхивая пустые старухины ладони. Но напрасно надеялись они учуять запах хлеба. Сегодня олешки не радовали сердце Мядыне. Она отгоняла их от себя палочкой-выбивалкой. Палочка была похожа на едва народившийся месяц, так она истончала от долгого пользования. Ручные олени не хотели мириться с плохим настроением хозяйки и терпеливо ждали угощения — кусочка хлеба или дробленой мороженой рыбки. И вообще авки уходили на пастбище позже других оленей. Хотя Мядыне была не в духе, решила зайти в чум и подогреть для авок вчерашнюю уху. Особенно любил уху ее питомец, белый бычок Сэрхабт. Сейчас олень ковырялся в снегу, недалеко от чума, больше для вида. Обиженно посматривал на хозяйку, которая медлила с угощением для него. Когда Мядыне закопошилась возле дверей чума, Сэрхабт поднял голову с красивыми ветвистыми рогами и выжидательно посмотрел на хозяйку. Наконец Мядыне скрылась в чуме. Тогда олень медленно подошел к жилищу, остановился у входа. Летом, когда отрастающие новые рога были короткими, он часто заходил в чум. Но сейчас на его голове возвышался великолепный костяной куст. Три ветвистых отростка на лбу угрожающе торчали острыми концами.

Сэрхабту было три месяца, когда его мать, белоснежную тонконогую важенку, задрал волк. Осиротевшего, облепленного личинками овода белого олененка старая Мядыне стала обихаживать в чуме. Старик Хэчо, муж Мядыне, назвал его Сэрхабт — белый бык. Из таких вот заморышей, попавших в заботливые руки человека, чаще всего вырастают сильные выносливые олени. У хозяев Сэрхабта не было детей, и всю свою нерастратенную любовь перенесли они на ослабевшего без материнской опеки животного. Мядыне кипятила сухое молоко, мочила в нем сухари и прикармливала оленя

каждый день этой похлебкой. Помимо растительной пищи, которой Сэрхабт питался на улице, его кормили еще ухой и сырой рыбой. Он быстро окреп. Если гнус слишком донимал его, спасался в чуме.

Пришла пора первого снега, когда тундровики начинают забивать телят для зимней одежды. Кому-то нужны шкуры темного окраса, а кто-то хочет щеголять в одежде из белых шкур. мех телят очень теплый. Одна из соседок два дня надоедала Мядыне. Все просила обменять Сэрхабта. Предлагала взамен резвого ездового быка. Очень уж ей хотелось заполучить белую шкуру этого теленка на соок* сыну. Сэрхабт был хорош. Ровный белый мех лоснился. Он был рослее других телят, упитаннее. Многие пастухи любовались им. Такого оленя мечтает иметь каждый тундровик для украшения своего стада.

Назойливая соседка ходила по пятам за Мядыне. Все упрашивала старую женщину поменяться оленями. Но однажды Мядыне не выдержала, грубо оборвала соседку на полуслове, крикнула ей: «Ты получишь сейчас по голове, если не отстанешь. Сэрхабт дорог для меня, как ребенок». Затем старуха резко повернулась и пошла дальше. Ошеломленная соседка осталась стоять с разинутым ртом.

Прошло четыре года. Сэрхабт выглядел как настоящий менаруй. Рослые красивые менаруи есть в каждом стаде, один или два. Менаруев никогда не запрягают в упряжь. Они неприкосновенны и священны. Эти олени являются своего рода символами — олицетворением благополучия стада. Сэрхабт не считался менаруем. От тяжести ездовых и грузовых нарт его избавила любовь хозяев. Ни привязи не знал, ни упряжи. Сэрхабт рос абсолютно свободным, но в то же время спокойным и ласковым. Мог подойти к любому человеку. Олень всегда

* Соок — меховая мужская верхняя одежда мехом наружу.

находился возле человеческого жилья. Редко уходил на пастбище со стадом. Покопавшись в травах и ягеле возле чумов, на лежку устраивался около нарт. Основное время Сэрхабт крутится возле хозяев. Часто на лежку устраивался недалеко от старого Хэчо, строгающего еловые полозья. Хозяйка, занимаясь своими делами, иногда напевала оленю песенку:

*Мой сыночек черноглазый
С резвыми ногами,
В теплом сооке белоснежном,
С длинными рогами.*

Заслышав эту песенку, Сэрхабт подходил к хозяйке, тыкался мордой в лицо, сопел. Мядыне осторожно прикрывала свои глаза, чтобы не пораниться об острые отростки, целовала влажный нос, затем гладила по шее своего любимца.

В этот зимний день снег легким дымком увивался вокруг нарт. Длинные белые шлейфы поземки исчезали в оврагах. Полнеба горело алым пламенем. Солнце зашло за горизонт и оставило на небе только этот негреющий костер. В промороженном насквозь воздухе раздавался стук и скрип оленьих копыт, пасущегося на пастбище стада. Белый клубящийся дым скрывал линию горизонта. Все кругом было белым-бело. Сэрхабт топтался на пороге чума. Все другие авки ушли в стадо, только он терпеливо ждал угощения. Но вот вышла хозяйка с котелком в руке, в ароматно пахнущей, дымящейся ухе плавали поджаристые корочки хлеба. Белоснежный красавец принялся медленно лакать. Вокруг Сэрхабта крутилась полненькая низкорослая важенька с короткими, сильно гнутыми рожками. Остатки уха бык милостиво уступил ей. Покрутив рогами, Сэрхабт медленно отошел.

Мядыне подобрала пустой котелок и зашла в чум. В железной печурке весело трещали дрова, шумел закипающий чайник. Старуха присела возле печки. Грея руки, призадумалась. Человеческой мысли не нужна оленья упряжка. Она умчит

человека на далекое расстояние. Только мысли имеют власть над временем. Они забросят человека в давно им прожитую жизнь, могут коснуться туманного будущего, которое не приоткроет завесу в грядущую жизнь. Сидит старая Мядыне у теплой печки и думает о муже, уехавшем в посёлок. Как он там? Смог ли получить пенсию? Денег из райцентра доставляют мало, кто успеет, тот получит. Ведь очередь за пенсией надо занимать с ночи. Надо сидеть на крыльце почтового отделения до десяти часов утра. Потом начинается выдача денег. Люди дрожат от холода, ругань, страшная давка. Порой кажется, что трещат кости, нечем дышать и руки зажаты вдоль тела. Только самые терпеливые выдерживают до конца рабочего времени кассира. Отчаявшиеся люди одержимы одним лишь желанием получить деньги, положенные им по закону.

У старой Мядыне дети умирали в младенчестве. И старикам на склоне лет неоткуда ждать помощи. Тяжелая тундровая жизнь все ощутимее с каждым годом отбирает у них силы. Можно, конечно, перейти на оседлую жизнь. Но как расстаться с оленями? Как без них жить? Ведь они кормят и одевают. Оленям нужна забота хозяев. Еще тяжелее вручать их в чужие руки. Чужие олени у пастуха — что падчерица у мачехи.

Так за грустными мыслями Мядыне сидела у остывающей печки. Рокот на улице заставил вздрогнуть старую женщину. Накинув ягушку, старуха приоткрыла двери. Выглянула на улицу. Вся в клубах белого дыма, как упряжка на гонках, недалеко от грузовых нарт остановилась рокошущая машина. Задняя дверь небольшого темно-зеленого вездехода открылась, и на снег выпрыгнули два бородатых мужика в овчинных полушубках. Они что-то весело залопотали, увидев двух молодых женщин с детьми на руках, бегущих к крайнему чуму. Женщины скрылись в дверях у старухи. Из вездехода выпрыгнул водитель, и мужики направились к чуму. Но вдруг перед самыми их носами приоткрылась дверь жилища,

и сверкнуло лезвие топора. Тут же показалась седая рас-
трепанная голова старой ненки. Она что-то гневно кричала,
держа перед собой острый, как бритва, топор. Злой огонь,
попыхающий в глазах старухи, озадачил пришельцев. Они
немного отошли от чума, поговорили о чем-то между собой. А
старуха кричала, не замолкая ни на минуту. Один из мужиков
что-то сказал остальным и зашагал к машине. Двое двинулись
за ним. Время от времени они оглядывались назад. Старуха
все еще кричала и размахивала топором. Шагая к машине,
чужаки вдруг увидели белого оленя с красивыми рогами. Он
стоял недалеко от них. Подняв голову, олень насторожен-
но смотрел на людей, шевелил ушами, раздувал ноздри. От
людей пахло очень резким запахом. Так же неприятно пахло
фыркающее зеленое чудовище, на которое залезли люди.
Неожиданно для оленя непонятное существо бросилось к
нему. Впервые за свою недолгую жизнь Сэрхабт запанико-
вал. Он заметался возле нарт и чумов, но не найдя защиты,
рванул в тундру. Страх гнал оленя, не разбирающего дороги.
За ним по пятам бежало рычащее чудовище. Оно качалось
на сугробах, напоминая большого скачущего зверя.

Уйти далеко Сэрхабту не удалось. Мягкий снег кустарни-
ка предательски утопил его по ребра. Вездеход остановился
в полуметре от оленя. Трое мужиков навалились на Сэрхабта.
Олень брыкался и пытался вырваться. Но ноги уже были стя-
нуты ремнями и толстой веревкой. После такого труда мужики
немного отдышались. Затем еще с большим усилием подняли
и затолкали пленника в кузов вездехода. Снова зарывав, чудо-
вище устремилось к стаду. Олени беспокойно закружились по
пастбищу. Раздались хлопки выстрелов, и несколько рослых
быков повалилось на бок, забрызгав алой горячей кровью бе-
лый снег. Стадо обезумело от страха, помчалось к чумам.

Сэрхабт лежал в кузове и хрипел, тщетно пытался вы-
рваться из пут. Он дергался, но ноги и рога были крепко к чему-

то привязаны. Олень не мог даже головы поднять. Смертью
тахнуло от неподвижных сородичей, падающих в кузов возле
него, а то и на него. Белоснежная шкура Сэрхабта обрызгалась
кровью. Потом рокочущий зверь опять поскакал куда-то по
тундре. Было еще светло, когда вездеход влетел на централь-
ную улицу небольшого вахтового поселка. В клубах белого
дыма остановился около голубого балка. Все балки были ярко
покрашены. Зеленые, голубые, оранжевые, они стояли акку-
ратными рядами, словно игрушечные домики. На окраине селе-
нья стояла большая вышка. Она тяжело дышала и была подобна
великану, прикованному цепями к мерзлой земле. К вездеходу
один за другим начали подходить люди. С громким лаем вокруг
машины бегали собаки. Скоро образовалась толпа.

Прямо через улицу напротив вездехода на крыльце оран-
жевого балка сидел и курил худошавый мужчина. На нем была
телогрейка нараспашку, серые большие валенки. Серая вол-
чья шапка низко надвинута на лоб. Голубые глаза за стекла-
ми очков были задумчивы. Сперва он безучастно смотрел на
людей, окруживших вездеход. Но когда увидел бездыханных
оленей, которых вытаскивали из кузова, мужчина в волчьей
шапке вскочил на ноги. Люди, как муравьи, копошились воз-
ле каждой туши. Трогали мех, осматривали рога. Потом все
разом загалдели. На снег осторожно опустили белого оленя.
Люди задвигались вокруг него. Мужик в телогрейке торопливо
докурил папиросу и подошел к толпе. Протолкавшись впе-
ред, удивленно присвистнул. Перед ним стоял красивейший
олень, какого он еще никогда не видел. Освобожденный от
пут, Сэрхабт был крепко привязан за шею капроновой верев-
кой, которую держали два мужика. Люди отходили от него,
опасаясь огромных рогов. Но бык, выросший среди людей,
никогда не применял рога и копыта как оружие. Он только
мелко дрожал, вертелся на одном месте. Возгласы восхищения
не умолкали. Вдруг небольшая рыжая собачка куснула оленя в

заднюю ногу. Ошалевший от страха и боли, Сэрхабт рванулся в сторону. Мужики, схватившись за веревку, упали, и олень поволок их за собой. Мужики тащились за оленем, пока еще двое человек не вцепились в веревку. Оленя остановили. Некоторое время громкий смех и шутки не смолкали. Когда люди притихли, встал вопрос, куда девать красавца. Погалдели, но так ничего не решили. Все это время молчал лишь очкастый в волчьей шапке. Он стоял в толпе, засунув руки в карманы брюк, сжимал тонкие губы. Люди постояли еще немного и начали расходиться, зябко кутаясь в свои шубы. Три человека отвели оленя на край поселка, где стоял теплый гараж. В гараже его крепко привязали за скобу, торчащую из стены. Затем люди ушли, плотно прикрыли двери. Сэрхабт остался один. Большая лампа под потолком освещала несколько железных чудовищ, от которых резко пахло. Олень пугливо озирался вокруг. Иногда начинал метаться на веревке, но задевал железных зверей и испуганно прижимался к стене. На какое-то время пленник устало опускал голову, долго стоял так, прикрыв глаза. Ведал ли он, что в далеком чуме билась на руках у женщин старая Мядыне? Плакала и проклинала Великого Нума* за свои вечные страдания.

Неожиданно скрипнула дверь, олень вздрогнул и опять задергался на веревке. К нему медленно подходил мужик в волчьей шапке. Он что-то ласково говорил на своем языке. Сэрхабт с опаской смотрел на человека, разговаривающего с ним тихо и спокойно, и продолжал метаться. Человек накиннул на шею красавца тонкую бельевую веревку и притянул легонько оленя к себе. Не завязывая бечеву, попытался распутать узел удавки на шее оленя. Но капроновая веревка не поддавалась. Все еще тихо о чем-то упрашивая Сэрхабта, мужик вытащил складной нож. Стараясь не делать резких

* Нум — небо. Великий Нум — главное верховное божество у ненцев.

движений, осторожно раскрыл лезвие. Не без труда просунул его между шеей оленя и капроновой удавкой, затем несколько резких движений — и веревка упала им под ноги. Накинутую на пленника бельевую веревку мужик завязал легким узлом, потащил оленя к дверям. Сэрхабт упирался. С неохотой шел за очкастым. Тот пытался и все разговаривал с животным. Наконец мужик вытащил Сэрхабта на улицу. В ноздри пленнику ударил свежий морозный воздух. Он заметался, подняв высоко голову, озирался вокруг. Человек в телогрейке затащил оленя за гараж, снял с шеи веревочку, потом стукнул быка по крупу кулаком. Свободный Сэрхабт закружил около гаража. Заполношились собаки. Мужик стал махать руками и отгонять спасенного им красавца от жилища. Но олень все еще крутился возле балков. Мужик бросил в него свои рукавицы. Затем стал подбирать комья снега из тракторной колеи и пулять в Сэрхабта. Он спотыкался, падал, голые руки утопали в снегу, шапка где-то упала. Человеку помогли собаки, насевшие на животное. От собачьей своры олень помчался в тундру. Собаки, бежавшие за ним, одна за другой отстали. Белый дым снежной круговерти спрятал оленя в родной стихии. Сэрхабт мчался, не разбирая ничего вокруг. Он был жив! Он был свободен!

На темном небе тускло мерцали замерзшие звезды. Дул холодный ветер, шуршал снегом на сугробах. Олень бежал. Изредка он останавливался, хватал горячим ртом снег, озирался вокруг себя и, пугаясь одиноких кустов, опять пускался вскачь. Умному ручному оленю не нужно ориентиров. Сердце и ум приведут его к родному порогу даже в темноте зимней ночи и в пургу. Мчался белоснежный красавец один в темной ночи туда, где его любят и ждут.

СКАЗКИ, ЛЕГЕНДЫ

Рассказывают легенды

Мифология ненцев для меня, пишущего человека, — нераскопанный клад. В последнее время я с удовольствием пишу легенды, услышанные когда-то от старых людей, перевожу на русский язык короткие сказки. Мифология — эта большая ветвь большого фольклорного дерева нашей ненецкой культуры. Она тесно связана с религиозным воззрением ненцев, с культовыми предметами. Долгими зимними вечерами старики поют ненецкие былины, рассказывают короткие сказки, загадывают внукам загадки. Старые люди воспитывают в детях бережное отношение к своей культуре. Богат и разнообразен ненецкий пантеон. Это целый мир духов и потусторонних сил. В своих произведениях я стараюсь знакомить читателя с нашей духовной культурой, культурой ненцев.

Спустя много лет, рассказанные бабушкой легенды я перевела на русский язык, чтобы их мог читать широкий круг людей. Старики воспринимают потусторонний так же естественно, как и обычный мир, в котором мы живем. Вот две легенды, которые рассказывают о том, что наша жизнь связана с миром духов.

Пурга или дальняя дорога часто заставляют путника заночевать в пути. Если ночь застанет на ровном месте, то человек привяжет покрепче оленей к нарте, сам устроится с подветренной стороны спать. Чуткий сон ненца ловит любые шорохи. Скрипят копытами олени, переминаясь с ноги на ногу. Совсем рядом ветер поет песню кустикам, торчащим из-под снега. Шепчутся звезды на небе, и вздыхает время от времени ночь.

Есть в необъятной тундре места, где ненецкое кладбище и жертвенное место расположены недалеко, почти на виду

друг от друга. Бывает так, что кочевая дорога заведет человека в такое вот место. Усталость оленей и ночь вынудят искать место для ночлега. Знающие обычаи люди рискнут заночевать недалеко от кладбища. Покойник — ушедший от нас человек, и потому он не обидит. Надо только табачком поделиться, папирос, поломав, набросать возле гроба.

Но жертвенное место желательно зря не тревожить. Ночевать возле таких мест старики не рекомендуют. У духов настроение переменчивое, как капризная погода. Одна из легенд гласит. Ехал однажды ненец по бескрайним тундровым просторам. Ехал издалека. Олени стали уставать. А уже ночь близка. Голубоватое пламя зимнего заката опустилось за холмы и потухло. Наступила ночь. Проехав еще немного, путник стал подумывать об отдыхе. За думами не заметил темного предмета, на который чуть не наехал. Олени ша-рахнулись влево, но каюр вовремя натянул на себя вожжу. Привязав оленей, пошел посмотреть причину остановки.

Подойдя поближе, он увидел, что это старый гроб. Захоронение было большим и крепким. Путник решил заночевать тут. Поломал папиросы, обсыпал табачком снег возле гроба. Привязал покрепче вожжу и лег с подветренной стороны нарт. Подумал, поразмышлял на сон грядущий о том, о сем. Затем незаметно уснул. Ночью сквозь сон услышал голоса. Разговаривали двое. Первый голос был требовательный: «Хозяин деревянного жилья, отдай мне душу своего гостя. Мне она очень нужна. Много лет назад люди забыли ко мне дорогу. У подножья моего жилища нет ни капельки оленьей крови. И мои помощники-духи жаждут мести. Отдай нам его!»

А второй голос возражает: «Хозяин жертвенного места, будь потише, мой гость спит. Я тебе не позволю даже его сон потревожить, не то что душу унести. Он мой гость, я должен хранить его покой».

Когда ненец проснулся, начало уже светать. Рассвет, повисший красным сукном, обещал хорошую морозную погоду. Путник начал отряхивать снег со шкуры на нарте, поднял на ноги оленей и тут вспомнил ночной разговор. Вытащив папиросы, закурил, бросил на снег остатки курева. Затем пошарил взором вокруг, выискивая соседей хозяина захоронения. Через ложину от кладбища человек увидел три высоких холма. На вершине одного из них торчала палка с оленьими черепами. Путник подошел к гробу и сказал: «Мы с тобой расстанемся по-хорошему, не смотри мне вслед».

Застоявшаяся упряжка резво полетела по мерзлым застругам.

А вторая легенда гласит вот о чем.

У кочевого народа вся жизнь проходит в дороге. С колыбели до самой смерти в старости. Иногда бывает, и после смерти ненец кочует. Родственники везут покойного на родовое кладбище.

Кочевая дорога долга. Днем и ночью едет путник в тундре. Но бывает устанут олени, и тут ночь застанет на дороге.

Ехали двое ненцев на оленях. Путников этих, ехавших целый день, застала в пути ночь. Да в таком месте, где святилище стояло по соседству с кладбищем. Мужчины стали обсуждать, где устроиться на ночлег. К единому мнению не пришли, решили заночевать в разных местах. Один пошел к жертвеннику, объяснив товарищу, что духи святых мест должны помогать людям. Другой повел нарту к находящемуся неподалеку кладбищу. Он помнил легенды, рассказанные стариками, решил поступить так, как говорит народная мудрость.

У первого ночь началась ужасно. Он слышал крики. Затем в его полусон — полуявь вошел скрип тяжелых шагов. На него навалилась полная темнота. Человек не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Он не видел и не слышал.

А второй путник, заночевавший на кладбище, спал крепким сном. Тихо и спокойно было вокруг. Когда он проснулся, заря уже сияла, как лезвие топора. Скоро начнет светать. Ненец встал на ноги, отряхнул с себя снег. Вытащив трубку и кисет с махоркой, посыпал табак на снег. Закурился, огляделся вокруг себя. Кладбище было старое, гробы кое-где покосились и развалились. В некоторых местах похозяйничал весной медведь. Гробы перевернуты, один вообще отброшен в сторону. Видно, обижен был на него косолапый.

Меж тем быстро рассветало. Ненец решил поискать товарища. Распутав на оленях упряжь, он подъехал к его нарте. Олени настолько запутались, что еле шевелились. Заподозрив неладное, кинулся к товарищу. Тот был недвижим, он уснул вечным сном.

Легенды могут и соврать, но они имеют под собой реальную почву. Обо всем можно долго рассказывать, как когда-то наши деды коротали зимние вечера, повествуя то, что было устно передано их дедами.

Легенда о племени сихиртя

Говорят, давным-давно жили в наших северных краях маленькие люди-сихиртя. Жили они, согласно преданиям, под землей, в пещерах, под высокими сопками. До наших дней дошли довольно скудные сведения об этом маленьком народе. Легенды рассказывают, что у сихиртя была развита культура. Внешностью они похожи на русских: белокурые, светлоглазые, только очень маленького роста. Они ловили рыбу, охотничали, тем и жили. Что странно, племя это днём спало, жизнь закипала ночью. А ещё говорят, сихиртя обладали сверхъестественной силой. По преданиям, обычные люди, увидевшие сихиртя, вскоре умирали. В давние года мои соплеменники находили возле обрывов или осыпавшихся курганов черепки

красивой глиняной посуды, бронзовые женские украшения и прочие расписные бытовые изделия.

По одной легенде: мимо высокой сопки ехал аргиш. А дело было летом. Проезжая мимо сопки, люди решили сделать привал, дать оленям передохнуть. Решили обследовать сопку. Неожиданно возле травяной кочки обнаружили спящую девушку маленького роста. Девушка была очень красива. На ней была одежда, украшенная расписными пуговицами, серебряными бляшками. Возле девушки лежала туча — мешок для шитья. Такой красоты пришлые люди никогда не видели. Мешочек был украшен блестящими, искрящимися на солнце бусами, бисером. Бронзовые ажурные подвески издавали тонкий мелодичный звон. Тут девушка проснулась, резко вскочила на ноги и мигом скрылась в ближних кустах. Только её и видели. Поиски чудесной незнакомки результатов не дали. Люди покрутились туда-сюда. Нет ее, да и всё. Решили тучу-мешок с собой прихватить. Тронулись с места, покатали дальше. К концу дня приехали на место, поставили чума. А ближе к ночи стал раздаваться женский жалобный крик: «Где моя туча? Где моя туча?» Говорят, до утра крик раздавался. Никто не осмелился выйти из чума и отнести куда-нибудь в тундру мешочек для шитья, как вы уже догадались, девушки-сихиртя.

Семья, у которой находилась эта красивая сумочка, вскоре померла. А родственники всё равно сохранили эту драгоценную находку. Говорят, эта туча до сих пор в священной нарте у одного жителя находкинской тундры. Как я уже говорила, сихиртя имели сверхъестественную силу. Вот и этот мешочек стал священным атрибутом. Во время болезни человека родственники вешали эту тучу на хорей до выздоровления больного.

Мы не знаем, действительно ли жили такие маленькие люди в наших краях. Но из поколения в поколение переда-

ются небольшие легенды о таинственном народе-сихиртя. Возможно, они и жили, коль сохранилась до нас песня под названием «Плач девушки-сихиртя». Эту песню вы можете услышать на концерте с участием фольклорного коллектива «Сёётэй не».

Притча о птицах

Жил некогда в тундре один богатый старик. И было у него три сына. Оленей у них было — не перечесть. Старик с сыновьями зимой и летом кочевали по тундре.

Много ли, мало ли времени прошло — сыновья женились. Старший сын женился на самой красивой девушке по всей тундре.

Девушка из рода Хохорэй, что значит Лебедь, была очень красива; много времени она уделяла своему наряду — бело-снежной ягушке. Ходила по стойбищу, гордо подняв голову, как по озеру плыла.

Средний сын женился на девушке из рода Халей, что значит Чайка. Девушка в меру красива, в меру работящая. Одевалась она в серые ягушки. Но характер у девушки-Чайки был ужасный. Она постоянно кричала на всех, за столом хватала самые лучшие куски мяса.

Младший сын женился на девушке из рода Ньюня, что значит Гагара. С виду она была неприметна и нарядами не блистала, носила серое с черным. У девушки-Гагары был длинный нос, который постоянно являлся предметом насмешек со стороны старших невесток. Девушка-Гагара была очень работящая, все успевала по хозяйству. Однажды летом, во время гнуса, случилась беда. Сыновья задержались на охоте на гусей. А стадо стало метаться от гнуса. Вот-вот сорвется с места и умчится в бескрайние тундровые дали. Разбегутся олени кто куда — и до конца жизни их не собрать.

Ходил старик, окуривал оленей дымом, чтоб меньше страдали от укусов комариных. Но все было напрасно, стадо все больше беспокоилось. Кинулся старик в чум и начал уговаривать невесток, чтобы помогли удержать стадо на месте до приезда мужчин.

Невестка из рода Лебедей гордо отвернулась и молвила: «Я ягушку замараю. Не видишь, какая она у меня белая». Вторая невестка, которая родом из Чаек, крикнула на старика: «Оставь меня в покое. Никуда я не пойду. Я много поела и теперь не могу с места сдвинуться». Повернулся старик к третьей невестке. Девушка из рода Гагар молча надела самую легонькую старую ягушку, подпоясалась и бросилась из чума. Видит: бесчисленное стадо кинулось в обход круглого озера. Бросилась девушка-Гагара наперерез стаду. Но олени не обращали внимания на кричащую, чтобы их остановить, девушку. Стадо бежало прямо на нее. Вскорости она оказалась под копытами мчащихся оленей.

Когда девушка-Гагара очнулась, от стада не осталось ни старой важеньки, ни хромого теленка. Попробовала встать на ноги, но не смогла. Оленьи копыта разломали ей ноги. Заплакала девушка-Гагара. (На вечерней заре, в тундре, возле озер до сих пор слышится ее плач). Плакала она, плакала, а потом подумала, кому теперь она такая нужна? Сползла в озерную воду и превратилась в гагару, в птицу с длинным клювом.

Вечером, когда пришли ее искать, обнаружили на озере только плавающую гагару. Догадался старик. Пришел в чум, накинута на старших невесток. «Ты, старшая, стань белой лебедью и красуйся своей ягушкой сколько хочешь!» — крикнул он невестке из рода Хохорэй. «А ты, вторая невестка, стань чайкой. И кричи, сколько хочешь, над речными просторами, вырывай в свое удовольствие жирные куски у других чаек», — сказал он так, и девушки превратились в птиц.

Старшая невестка превратилась в лебедя, закружилась и скрылась за облаками. Средняя невестка превратилась в чайку. С криком она стала летать над рекой, над сетями с рыбой. А младшая, девушка-Гагара, — большую часть жизни проводила на воде. У нее криво срослись кости, и поэтому гагара почти не ходит по суше.

Вот притча ненцев о происхождении птиц: лебедь, чайка, гагара.

Глупый Хаби

На берегу реки в берестяном чумике жили три брата Хаби. Жили они бедно, добычи едва хватало на пропитание. Два брата Хаби были люди, как люди, а младший Хаби был глуп. Его так и называли — глупый Хаби или Хаби-дурачок.

Однажды старшие братья отправили глупого Хаби в село на ярмарку. Набили мешок сушеной рыбой и попросили его обменять на товар на рынке.

Взвалил Хаби-дурачок мешок с рыбой на плечо и по тропинке зашагал в ближнее село. А тропинка шла через березовую рощу. А в роще жизнь кипит: птицы на все лады поют, звери разные скачут. Шел-шел глупый Хаби и дошел до села, обменял рыбу на продукты и пошел домой. Идет, а мешок с продуктами все тяжелее, все сильнее давит на плечи. В березовой рощице Хаби решил передохнуть. Сел под березку, а кругом птицы поют, жизнь кипит. Подумал глупый Хаби: «Раздам-ка продукты всей живности. Они, наверно, голодные, вишь как шумят, кушать просят».

Развязал мешок Хаби-дурачок, раздал и раскидал все продукты птицам и животным. Пошел Хаби домой налегке. Приходит к себе в чум, а братья спрашивают, почему пустой пришел. Объяснил им Хаби-дурачок, что все продукты он раздал голодным животным и птицам. Братья только руками

развели, какой с дурака спрос. Долго ли, коротко ли прожили братья Хаби, но настало время идти за продуктами в село. Братья были очень заняты и опять отправили Хаби-дурачка. Взвалил Хаби на плечо мешок с сушеной рыбой и пошел. А по дороге в березовой роще птиц полно, поют на разные лады, живность разная скачет, бегаёт. Идет глупый Хаби, и душа у него радуется. Дошел до села, сделал на рынке свои дела и отправился в обратный путь. А в березовой роще решил передохнуть. А там птицы шумят, зверья разного полно. Подумал опять Хаби: «Ишь, как расшумелись, кушать, наверно, хотят. Надо их покормить». Развязал дурачок свой мешок и раздал всю еду. Пришел к себе в чум пустой. Братья опять спрашивают, почему он мешок без ничего принес. Объяснил — только руками развели. Какой с дурака спрос. Много ли, мало ли времени прошло, братья опять отправили Хаби-дурачка за продуктами, попросили еще ложек железных купить и столик для еды.

Пошел глупый Хаби, мешок с рыбой взвалил на плечо. Опять та же роща, птицы поют да живность разная скачет.

Дошел наконец Хаби-дурачок до рынка. Набрал всего, что нужно было, и пошел домой. Идет, пыхтит под тяжестью мешка и стола. Решил опять в березовой роще передохнуть. Опять та же история. Раздал продукты птицам и зверям. Оставил себе из покупок только ложки и стол. Идет, тащит стол, а в пустом мешке ложки звякают-звенят. Шел-шел, устал. Недолго думая, бросил стол на землю, решил его оставить в лесу. «Зачем я его тащу, у него четыре ноги, сам ведь может дойти». Бросил Хаби-дурачок стол и пошел дальше. Идет, а в пустом мешке железные ложки звякают. Хаби-дурачок подумал: «И чего это ложки смеются надо мной? Выброшу-ка их в кусты».

Пришел Хаби домой пустой. Спрашивают братья, где товар. Объяснил им дурачок, что продукты раздал голодным птицам и зверям, а у стола свои ноги есть, сам дойдет.

А ложки смеялись над ним, и он их выбросил. Братья руками развели. И больше его не отправляли на рынок.

Тут и сказке конец.

Как сова и куропатка остались зимовать

Когда-то давным-давно на Земле ни птицы, ни звери не ведали, что такое голодная, холодная зима; пронизывающий мороз. Круглый год цвела земля, не было ни холода, ни голода. Но однажды боги на небесах поссорились, не поделили своих владений. Один из богов — Седой Северный ветер Нгэрм Сей, пошёл на всех войной. Запряг он своего Ледяного Оленя—Нгэрм Хора в ледяные нарты и помчался по небу. Только грохот стоял в небесах. Звенели луки, ломались железные нарты и хореи. Боги тепла во главе с Южным Ветром—Иба Мерца стали отступать. Северный Ветер стал полновластным хозяином. Решил объехать свои большие владения, спустился на Землю. И пока Нгэрм Сей раскатывал по Земле на своих ледяных нартах, вокруг воцарился мрак и холод. Кинулись птицы и звери искать себе тёплые места. Гуси, утки и прочие мелкие птицы первыми собрались в путь. Кто не успел добраться до тёплых мест, остались жить в вечной зиме. Из птиц замешкались только совушка и куропатка. У совы была белая пушистая ягушка с тёплым подпушком, и ей было безразлично, где жить. А куропатка за своими хлопотами и не заметила, как осталась последней. А совушка поглядела на соседку куропатку и запала в её круглую головку одна задумка. Чтоб не голодать в лютую зиму, решила обмануть свою доверчивую, глупую соседку. У куропатки была тоже белая ягушка, только без подпушки, тепла от одежды, конечно, она не получала. Вышла сова из чума, видит: куропатка подпоясала свою ягушку, в путь собралась в тёплые края. А совушка тут как тут и говорит: «Куропаточка, соседка моя, зря ты собираешься в тёплые края.

Не успеешь ты, солнце сейчас за горизонт скроется. У нас с тобой хвостовые оперенья широкие, не влезем мы в солнечную дыру». Посмотрела куропатка на свой хвост веером и придумалась: «И впрямь, хвостовые перья широко раскинулись. Точно, не влезу в солнечную дыру». А совушка продолжает: «У меня шуба белая и у тебя. Так что на снегу нас не будет видно. Останемся тут зимовать». Куропатка согласилась.

С тех пор сова и куропатка остались зимовать в северных краях. В особо голодные зимы совы нападают на куропаток. Тем и сыты.

Куропатка и налим

Когда-то птицы, звери, рыбы жили в большой дружбе. Никто никого не обижал. Но однажды из-за какой-то мелочи все зверьё, и птицы, и рыбы перессорились. В конце концов пустили в ход своё оружие. И с тех пор между всей живностью земной — нелады.

Никто не знает из-за чего, но оказались в ссоре куропатка и налим. Никто не ведает, чего они не поделили, ведь куропатка живет на суше, а место налиму — в воде. Взялись они за луки, и началась стрельба. Стрельнёт куропатка, вильнет налим хвостом, чтоб уйти в глубину, а стрелы куропатки ему в хвост вонзаются. Начнёт стрелять налим, куропатка вспорхнёт, а стрелы налима ей в ноги впиваются. И с тех пор у варёной куропатки ноги в пищу не годятся, мышцы в костях. А у налима хвост в костях.

Майно-дурачок

У одного старика был сын. Звали его Майко-дурачок. Майко был настоящим дурачком и частенько попадал в разные истории.

Однажды отец отправил его в гости к бабушке. Пошел Майко в её чум. Погостил и домой вернулся. Отец его спрашивает: «Ну что тебе, сыночек, бабушка подарила?»

Майко отвечает: «Бабушка мне иголку подарила».

«А где иголка?» — спрашивает отец.

И Майко начал рассказывать: «Когда бабушка подарила мне иголку, я в руке ее держал, в ладони. Пока шел, увидел, что с горки дети катаются, я тоже стал кататься. Пока катался, потерял иголку. Весь снег обшарил, нигде не нашел».

«Ладно, — говорит отец, — в следующий раз подарок спрячь в шапку»

«Хорошо, в следующий раз я так и сделаю», — сказал Майко.

В скором времени Майко опять отправили в гости к бабушке. Майко-дурачок погостил и вернулся домой. Отец его спрашивает:

«А где твой подарок, который тебе бабушка дала?»

Майко начал свой рассказ: «Бабушка подарила мне щенка. Я сделал так, как ты мне говорил. Завернул щенка в шапку. Пришел домой, смотрю: щенок мой сдох». Отвечает ему отец: «Подарок надо было привязать за веревку и приговаривать: хутю-хутю, хутю-хутю. Щенок сам бы бежал за тобой».

«Хорошо, — отвечает Майко, — в следующий раз так и сделаю».

Пришел день, когда Майко опять отправился в гости. Вернулся домой, а навстречу ему отец: «Что тебе на этот раз бабушка подарила?» Майко начал описывать, что с ним было: «Бабушка подарила мне кусок мяса. Я сделал так, как ты мне говорил. Привязал мясо за веревку и тащил за собой, приговаривая: хутю-хутю, хутю-хутю. А за мной побежали все собаки стойбища и съели мое мясо».

Отец больше ничего не смог сказать.

Тут и сказке конец.

СОДЕРЖАНИЕ

Картины детства.....	3
Зарисовки	5
Вечер на рыбогодые.....	5
Утро туманное	7
Подводная злюка	9
Предчувствие	12
Трагедия на воде	15
Тяжелое утро.....	19
Рассказы.....	21
Семь дней в тумане.....	21
Первое испытание.....	29
Зов памяти.....	35
Несогретая старость	37
Понюшка табаку	38
О чем плачут птицы	41
Месть Черного озера	44
И все видят духи.....	50
Собачий остров.....	54
Суд.....	60
Любушкины звезды	73
Белый олень	95
Сказки, легенды	104
Рассказывают легенды	104
Легенда о племени сихиртя	107
Притча о птицах	109
Глупый Хаби	112
Как сова и куропатка остались зимовать	114
Куропатка и налим	115
Майко-дурачок	115

Надежда Сергеевна Салиндер родилась в Тазовской тундре в многодетной семье охотника. Училась в школе-интернате. После смерти деда Надежда вынуждена была кочевать, чтобы не оставить без присмотра слепых бабушку и тетю. В тундре научилась выделывать шкуры, шить одежду, ставить капканы, ловить рыбу, ездить на оленях.

Сейчас проживает в Тазовске, воспитывает шестерых детей.

